

18+

АИЛЯ ТЕР

КОГ

18+

ГОСТУНА

Алия Тер

Код доступа

<https://litres.ru/74059686>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эш Гарднер живет на грани двух миров. Днем – талантливый книжный редактор, ночью - хакер. Взлом для неё — не работа, а искусство. До тех пор, пока она не выбрала неправильную цель.

Том Стерлинг не просто человек — он архитектор будущего. Владелец кибермедицинской империи и гений искусственного ин-теллекта, он считал свою систему неприступной. Пока Эш не дока-зала обратное.

Он не просто отражает атаку — он вычисляет её. Вместо вызова полиции на экране Эш появляется сообщение, способное пере-вернуть её судьбу.

Теперь у неё есть выбор: тюрьма или опасная сделка. Чтобы устранить общую угрозу, им придётся объединиться. Но в этой иг-ре правила меняются на ходу. Интеллектуальная дуэль перерастает в опасное влечение, где каждый пытается взломать другого. Но са-мые сложные пароли скрыты в их собственных сердцах. Когда на кону жизнь, доверие становится роскошью, которую они не могут себе позволить. Или могут?

Содержание

# ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ О КОНТЕНТЕ (ТРИГГЕРЫ)	4
АРХИВ ГОРОДА «ЭКЛИПС»	6
Пролог. Пепел	7
Глава 1. «Хроника»	25
Глава 2. Цифровой след	43
Глава 3. Отпечаток	66
Глава 4. Инвестиция в потенциал	85
Глава 5. Синхронизация	103
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Алия Тер

Код доступа

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ О КОНТЕНТЕ (ТРИГГЕРЫ)

Данное произведение относится к жанрам триллера и Dark- romance и содержит следующие элементы, которые могут вызвать дискомфорт у отдельных читателей:

Физическое насилие и травмы: перестрелки, рукопашные столкновения, термические ожоги, кровь, тактическое оружие, описание ранений и их обработки.

Психологическое напряжение: панические атаки, паранойя, эмоциональное истощение, угрозы жизни и цифровой идентичности, манипуляции, чувство потери контроля.

Интимные сцены с элементами доминирования/подчинения: откровенное описание близости, фиксация, частичная сенсорная изоляция, обмен властью, BDSM-эстетика.

Медицинские и физиологические описания: процедуры обработки ран, применение анестетиков, инъекции, описание реакции нервной системы на боль и стимуляцию.

Упоминание психоактивных веществ: нейростимуля-

торы, блокаторы боли, корпоративные регуляторы состояния.

Темы смерти, утраты и горя: гибель близких, консервация травмы, экзистенциальные размышления, эмоциональная уязвимость.

Дистопические и корпоративные элементы: тотальная слежка, цифровая изоляция, нейро-камеры, стирание идентичности, корпоративный шпионаж, контроль над биометрией и сознанием.

Автор использует указанные элементы осознанно, в рамках заявленной жанровой эстетики, для раскрытия внутренних конфликтов персонажей и развития сюжета. Все сцены интимного характера происходят по взаимному согласию героев. Если перечисленные темы могут причинить вам дискомфорт или напомнить о личном травматическом опыте, пожалуйста, проявите осторожность при чтении или воздержитесь.

АРХИВ ГОРОДА «ЭКЛИПС»

Статус: Рассекречено (Уровень доступа: 4)

Дата: 2147 год (Эпоха Возведения)

Источник: Хроники Корпоративного Совета

«...После Великого Смога 2089 года поверхность планеты была признана непригодной для постоянного проживания без защитных фильтров. Проект „Эклипс“ стал единственным шансом для выживания миллионов. Энергетический купол, отсекающий радиацию и токсичные штормы, создал искусственную экосистему внутри герметичной аркологии.

Однако ресурсы были ограничены. Так родилась система Уровней. Зенит — для элиты, финансирующей проект. Сетка — для рабочих рук. Глубина — для отходов и тех, кто оказался лишним в уравнении выживания.

Мы построили рай внутри ада. Но забыли, что стены работают в обе стороны: они защищают от мира снаружи, но также запирают нас внутри.

Директор Совета, А. Вэнс.»

Пролог. Пепел

Эш Гарднер

Дождь в этом городе никогда не очищал улицы. Он лишь менял форму грязи, превращая пыль в жидкую массу, которая стекала по стенам зданий серыми потоками. Это был не тот дождь, который описывали в старинных книгах, хранящихся в архивах Зенита. Там вода пахла землей и озоном после грозы. Здесь, в Аркологии «Эклипс», дождь был частью системы охлаждения, побочным эффектом жизни миллионов людей, живущих под огромным энергетическим куполом.

Моя комната была почти пустой. Лишь в её центре билось техническое сердце. Никакой лишней мебели. Только эргономичное кресло, стол с техникой и кровать. Три изогнутых монитора смыкались в полукруг, создавая эффект погружения. Под столешницей гудели системные блоки с прозрачными стеклянными стенками. Внутри них пульсировала бирюзовая жидкость системы охлаждения. Она не просто отводила тепло, но и меняла цвет, сигнализируя о нагрузке. От спокойного аквамарина до тревожного фиолетового.

Воздух в комнате пах озоном, статическим электричеством и дорогим пластиком. Я сидела неподвижно, как ста-

туя, высеченная из света мониторов. Мои пальцы уверенно лежали на кастомной механической клавиатуре, каждый переключатель которой был смазан вручную для идеально плавного и почти бесшумного хода. Щелчок, еще один. Звук был ритмичным, как метроном перед началом симфонии.

Я никуда не спешила. Спешка — удел любителей, а любители в «Эклипсе» долго не задерживались. Они попадались Корп-Стражу, исчезали в Глубине или становились подопытными для медицинских экспериментов Sterling BioTech. Но я не была любителем. Я была художником своего рода, где холстом служили чужие секреты, а кистью — чужой код.

На центральном экране строки кода бежали бесконечным потоком, словно водопад символов.

Терминал. Черный фон, зеленый шрифт — простая классика, которая никогда не устаревает. В ней нет ничего лишнего, она не отвлекает от сути. Я запускала скрипт инициализации, проверяя свои инструменты. Цепочка прокси-узлов выстраивалась в многоуровневый туннель. Первый узел находился в свободной зоне Верхнего Пояса, где законы были размыты. Затем я переходила через сервер-призрак в Орбитальном Кластере, который парил на границе атмосферы. И, наконец, выходила через зашифрованный шлюз глубоководного дата-центра Под Донном, где давление воды служило дополнительной защитой от физических взломов.

Мой IP-адрес рассыпался на миллиарды фрагментов и исчез в сети, как пыльца по ветру. Я больше не существовала

в сети. Был только никнейм — Ash. Пепел. То, что остается после горения. Я выбрала это имя много лет назад, когда поняла, что моя истинная личность, Эш Гарднер, слишком уязвима для жаркого пламени моей второй жизни. Я закрыла глаза, ощущая, как мое дыхание становится глубже и ровнее, подстраиваясь под ритм машины.

В реальном мире я была книжным редактором — человеком, который исправляет чужие ошибки. Мой паспорт выглядел обычным, скучным и безопасным, как у любого гражданина Уровня 42. Но здесь, когда нейроинтерфейс синхронизировался с ритмом моего мозга, а тонкая гарнитура за ухом передавала импульсы в зрительный нерв, я становилась архитектором реальности. Я могла перестраивать стены, открывать закрытые двери и видеть то, что скрыто от глаз обычных людей. Это было чувство всемогущества, недоступное за кредиты, которое можно было только украсть у системы.

— Синхронизация завершена, — едва слышно произнесла я. Мой голос прозвучал странно, будто говорил кто-то другой, обитающий в моем горле. Латентность упала до нуля. Пинг был идеальным. Задержки не наблюдалось. Я находилась здесь и одновременно везде. Чувствовала потоки данных, пронизывающие город, как кровь по венам. Ощущала биение энергосетей, шепот линий связи, крики сигнализаций из дальних районов.

Цель для разминки была выбрана не случайно, а с опре-

делённой целью. Это конгломерат «Nova Corp» в финансовом секторе. Их защита считалась эталонной для корпораций среднего уровня: многофакторная аутентификация, поведенческий анализ трафика и нейросеть, которая училась на каждой атаке, адаптируясь и совершенствуясь. Для большинства хакеров это была неприступная крепость. Для меня — тренажёр, чтобы размять пальцы перед главным событием.

Я не искала здесь денег. Деньги для меня были лишь цифрами на экране, которые можно использовать только в физическом мире. Физический мир меня мало интересовал. Я искала ощущения, чувство преодоления, момент, когда замок щёлкает и дверь открывается, и ты ощущаешь, что ты умнее тех, кто её создал.

Не атаковала напрямую. Лобовая атака оставляет следы и привлекает внимание. Вместо этого я действовала как вирус — незаметно проникая в систему. Мои пальцы скользили по клавишам, словно играли на пианино. Это был сложный этюд Рахманинова, исполняемый в темноте. Каждая нота должна быть точной, иначе симфония развалится.

Я не обращалась к серверу, а использовала периферийное устройство безопасности — умный кондиционер в серверной «Nova». Инженеры оставили уязвимость в прошивке, маленькую дверцу, которую забыли закрыть. Они были слишком уверены в защите своих главных ворот.

Когда я смотрела, как протоколы обмениваются руко-

пожатием, на моем лице появлялась легкая самодовольная улыбка. Свет мониторов едва освещал это выражение. Я видела, как система приветствует меня, словно открывает объятия, признавая своим элементом. Данные начали поступать. Я внедрила пакет в легитимный поток обновлений. Для системы безопасности это выглядело как обычная проверка температуры или оптимизация энергопотребления. Но внутри пакета скрывался шелл-код, крошечный и зашифрованный полиморфным алгоритмом, меняющим свою структуру каждые три секунды, чтобы избежать обнаружения.

Пакет преодолел первый уровень защиты. Фаервол не отреагировал. Его настройки были направлены на защиту от грубых атак, а не от тонких манипуляций. Я ощутила знакомое покалывание в основании черепа, где нейроинтерфейс соединялся с нервной системой. Адреналин заструился по венам, сердце забилося в такт с процессором, становясь частью машинного ритма. Я оказалась в изолированной зоне. Теперь нужно было подняться выше. Моих пользовательских прав было недостаточно. Мне требовался полный доступ. Абсолютная власть. Право на созидание и разрушение. Я запустила скрипт для повышения привилегий.

На втором мониторе возникла визуализация сети. Узлы переплетались линиями, как нейроны в мозге, создавая живую структуру. Я наблюдала за потоками данных, которые текли, словно цветные реки. Синий — почта, личные сообщения сотрудников, их страхи и надежды. Зеленый — фи-

нансы, движение кредитов, жизнь компании. Красный — безопасность, глаза системы, которые сейчас смотрели на меня. Внезапно красная река вздыбилась, как волна, искажая линии сети. IDS зафиксировала аномалию: потребление памяти в одном из сегментов увеличилось на 0,04%. Для человека это мелочь, незаметная погрешность. Для искусственного интеллекта безопасности — это сигнал тревоги, вторжение, война.

На экране вспыхнул желтый индикатор.

ВНИМАНИЕ: ОБНАРУЖЕНА АНОМАЛИЯ. СЕКТОР 7G.

Система начала сканирование, сужая поиск, словно хищник, учуявший кровь в воде. Я осталась спокойной. Паника — это гибель. Она оставляет следы, заставляет ошибаться, выдает местоположение. Я не собиралась отступить. Отступление означало бы поражение, а поражение здесь — конец карьеры, а возможно, и жизни.

Вместо этого я создала шум. Запустила скрипт, который начал генерировать тысячи запросов к открытым портам в других сегментах сети. Это было как дымовая завеса, отвлекающая внимание охранников, пока вор пробирается в хранилище. Пока система безопасности была занята отражением атаки и блокировкой сотен фантомных входов, я проскользнула незамеченной. Я нашла процесс диспетчера задач и внедрила свой код в его память. Теперь я работала от имени системной утилиты, оставаясь невидимой. Я стала частью системы, как вирус, который невидим, пока не проявит-

ся.

— Я вижу тебя, — прошептала я, вводя команду обхода. Голос дрожал от напряжения.

Пальцы стремительно скользили по клавиатуре, переключатели скрипели под напором. Я переписывала логи на ходу, заменяя реальность цифрами, создавая альтернативную версию событий, где меня никогда не было. Для администратора безопасности в офисе «Nova» все было спокойно. Зеленые индикаторы мигали, серверы тихо гудели, энергопотребление оставалось в норме. А я уже держала в руках ключи. Доступ получен. Зеленая надпись вспыхнула в центре экрана, и по спине пробежала волна жара, будто кто-то провел раскаленным прутом вдоль позвоночника.

Зрачки расширились, поглощая свет мониторов. Реальность растворилась, стирая границы между комнатой и сетью. Это было похоже на оргазм — полное слияние с системой. Я ощущала каждый бит информации так же остро, как прикосновение к коже. Каждый байт данных был касанием, каждый протокол — поцелуем. Я была везде и нигде одновременно. Я находилась в серверной «Nova», в своей комнате и в потоках данных, пронизывающих город. Это было состояние потока, о котором мечтают художники и музыканты, но доступно оно лишь тем, кто говорит на языке машин.

Я откинулась в кресле, но это движение далось мне с трудом. Тело казалось тяжелым, как свинец. В комнате повисла тишина, и гул кулеров стал оглушительным, раздражающим,

словно шум соседей. Я сняла нейрогарнитуру, и мир вокруг сузился до размеров комнаты. Он стал плоским, лишенным глубины, словно нарисованным. Физическая реальность обрушилась на меня волной, тяжелой и вязкой. Я провела рукой по волосам, освобождая их от тяжести. Каштановые волны рассыпались по спине. В свете мониторов они казались почти черными, но днем, под искусственным солнцем купола, отливали темно-медным. Я посмотрела на свое отражение в выключенном экране. На меня смотрели зелено-голубые глаза. В них еще горел отблеск цифрового огня, но уже проступала усталость.

На экране появилась база данных. Миллиарды кредитов, секреты клиентов, компромат на сенаторов — всё это лежало передо мной, словно на ладони. Но мне было скучно. Деньги казались просто цифрами, которые нельзя было потратить на важные вещи. Моё удовольствие заключалось в самом процессе: в моменте, когда замок щёлкает и дверь открывается.

Вместо кражи я открыла терминал администратора. Загрузила небольшой файл. Скрипт сработал мгновенно. На всех мониторах службы безопасности «Nova» рабочий стол сменился на изображение черного кота в очках, который подмигивал курсором. Подпись внизу сообщала: *«Проверьте логи. Не спите на работе. — Ash»*.

Это был не акт вандализма. Это было послание. Я остави-

ла его, чтобы сказать: «Я была здесь. Я могла бы сделать гораздо хуже. Будьте лучше». Затем я разорвала соединение. Цепочка прокси-серверов самоуничтожилась, кэш очистился, и следы исчезли в цифровом хаосе.

Комната погрузилась в полумрак, и только светодиоды на корпусе компьютера продолжали ритмично мигать. Я посмотрела на свои руки — они дрожали. Мелкая, неприятная дрожь, которую невозможно было унять. Это был химический откат, дофаминовая яма. В сети я ощущала себя всемогущей, богиней, творцом. Но здесь я была просто женщиной с чашкой холодного кофе и болью в пояснице.

Один из мониторов, который должен был оставаться выключенным, внезапно вспыхнул. В центре экрана появилось белое окно чата, пробившись сквозь все уровни защиты. Мой файрвол даже не издал ни звука. Кто-то проник в систему не через дверь, а через стены.

В поле отправителя светилось имя: *Obsidian*.

О нём ходило много слухов. Он управлял теневыми операциями в глубинах сети, оставаясь призраком, который никогда не показывал своего лица. Никто не знал его истинной природы: мужчина, женщина, группа людей или искусственный интеллект, достигший сингулярности и решивший играть с людьми. Говорили, что Obsidian знает всё и обо всех, имеет доступ к архивам города, личным делам, медицинским записям и истории поисковых запросов. Ходили слухи, что он может стереть человека из реальности, просто удалив

его цифровую личность, не прикасаясь к нему.

Я выровняла дыхание, стараясь успокоить сердце. Страх отступал под натиском холодного расчета. Я не стала блокировать соединение. Если они смогли проникнуть в мою систему, когда я была онлайн и начеку, блокировка уже не имела смысла. Это все равно что запираеть дверь, когда вор уже внутри.

Текст появлялся на экране без задержек, будто его набирал не человек, а машина.

«Разминка с «Nova» была изящной. Но ты играешь в песочнице».

Я почувствовала, как в груди что-то сжалось. Не обида, а профессиональная злость. Мой взлом был безупречен: чистый, аккуратный, без следов. И кто-то это заметил, оценил и назвал его песочницей. Я промолчала, ожидая ответа. Тишина в чате была почти невыносимой.

«Предлагаю контракт. Уровень сложности максимальный. Цель: «Sterling BioTech».

Едва прозвучало это название, воздух в комнате словно загустел. «Sterling» не просто корпорация. Они — сердце «Эклипса». Владеют патентами на генную инженерию, нейроимпланты и искусственные органы. Они контролируют здоровье верхних слоев города, решают, кто получит доступ к новым технологиям, а кто останется с болезнями. Взломать их — значит бросить вызов элите, обречь себя на изгнание из города.

К файлу приложен профиль.

Объект: Том Стерлинг, генеральный директор.

Задача: Получить доступ к ядру ИИ «Aescular» и управлять медицинскими протоколами.

Это было не просто украсть данные. Это было получить контроль над жизнями. ИИ «Aescular» управлял распределением ресурсов в больницах, он диагностировал болезни, он назначал лечение. Получить доступ к нему — значит стать богом смерти и жизни.

Задача: 14 дней. Награда: 5 000 000 кредитов. Новое удостоверение личности. Гражданство высшего уровня.

Я перечитала последнюю строчку и поняла, что новая идентичность — это ключ. С ней я могла стереть Эш — редактора, исчезнуть из этого серого мира навсегда. Купить себе место на солнце, над смогом, в Зените, где воздух чист, а небо настоящее.

Но «Sterling»... Их система безопасности была лучшей. Говорили, что их искусственный интеллект предсказывает вторжения за час до начала. Что ловушки в их коде способны сжечь нейроинтерфейс хакера, превратив мозг в кашу, выжечь синапсы электрическим разрядом. И что сам Том Стерлинг лично пишет код защиты, охотясь на хакеров как на трофеи.

Это самоубийство, — мелькнуло у меня в голове. Мысль была холодной и ясной. Но глубоко внутри, там, где таился

зуд, заставлявший меня взламывать банки ради развлечения, где жила темная часть души, жаждавшая риска больше, чем безопасности, вспыхнуло пламя. Вызов. Абсолютная сложность. Непрístupная крепость.

Самая высокая башня города. Я понимала риски. Медицина — это жизни. Одна ошибка в коде, одна неверная строка, и кто-то может умереть на операционном столе. Пациент, не виноватый ни в чем. Врач, доверяющий системе. Но я была профессионалом. Я не допускала ошибок. Я была хирургом кода, и мой инструмент был острым. И потом... Том Стерлинг. Человек, построивший эту империю. Личный вызов ему.

Мысль о том, что я могу заставить его нервничать, проникнуть в его мир, опьяняла. Я положила руки на клавиатуру, ощутила холодный пластик и снова обрела уверенность. Я не была пешкой, я была фигурой, которая сама решает, куда идти.

Мои пальцы уверенно застучали по клавишам, звук был громким в тишине комнаты, словно выстрелы.

«Принято. Но мне нужен не просто доступ. Я хочу исходный код ядра и полные права на модификацию».

Это был смелый запрос. Попросить у теневых кураторов больше — значило рискнуть вылететь из списка исполнителей навсегда и стать мишенью для Obsidian. Однако я знала, что у меня было преимущество. Они нуждались во мне. Таких взломщиков, как я, нелегко найти.

Пауза затянулась. Секунда. Две. Целая минута. Время тянулось медленно, как резина. За окном усилился дождь, барабанил по стеклу, словно требуя впустить его внутрь. Кажется, природа города чувствовала напряжение, висевшее в воздухе.

Ответ пришел мгновенно, словно его уже подготовили заранее.

«Доступ к исходному коду разрешен. Но помни: если ты сдашь нас, мы найдем тебя. Даже если ты спрячешься в Аналоге. Даже если ты отключишь все импланты. Мы найдем тебя по твоему дыханию».

Я усмехнулась. Угроза была лишней. Я знала правила игры. В моем мире доверие было валютой, которая обесценивалась быстрее кредитов.

«Договорились. Жду ключи шифрования».

Окно чата исчезло без следа, не оставив даже упоминания в логах. Файрвол вновь стал непроницаемым, и система снова казалась моей неприступной крепостью. Но я понимала, что это лишь видимость. Если они смогли проникнуть однажды, то смогут снова.

Я откинулась в кресле, сцепила руки за головой и посмотрела на потолок капсулы. Он был белым и безликим, как чистый лист бумаги. Где-то там, в сверкающей башне «Sterling BioTech», на 85-м уровне, в Зените, сейчас находился Том Стерлинг. Может быть, он писал новый код. А может, смотрел на город, который принадлежал ему, на огни, зажженные

по его приказу. Он и не подозревал, что в тихой квартире на Уровне 42, среди современных технологий, только что зародилась его главная угроза. Не знал, что женщина, исправляющая запятые в чужих книгах, намерена переписать его реальность.

Я чувствовала волнение. Оно было сильнее любого вина, теплее любых прикосновений, острее любого лезвия. Это начало чего-то грандиозного. Внутри меня что-то щелкнуло, как последний пазл встал на место или код скомпилировался без ошибок. Я посмотрела на свое отражение в выключенном мониторе. Глаза блестели лихорадочным блеском, зрачки были расширены, как будто я все еще оставалась в сети.

В комнате снова стало тихо, но теперь это была другая тишина. Не тишина ожидания, а тишина перед бурей. Системные блоки гудели, бирюзовая жидкость внутри них пульсировала, но теперь это было не просто оборудование. Это стало оружием. Я знала, что сон не придет. Ночь только началась. Мне нужно было разобраться в структуре «Sterling», найти слабые места, подготовить инструменты.

14 дней — это было одновременно много и мало. Для обычного взлома — вечность, для взлома Sterling — мгновение. Я снова включила центральный монитор. Свет залил комнату, выхватывая из темноты мои решительные черты лица. Я начала поиск. Информация о Sterling BioTech была защищена, но не непроницаема. В городе нет ничего абсолютно защищенного, если знаешь, где искать. Я нашла чер-

тежи здания, схемы энергоснабжения и списки сотрудников.

Имя Тома Стерлинга встречалось повсюду. Его фотографии, выступления, интервью. Он казался холодным и недоступным, как ледяная статуя. Но я видела то, что ускользало от других. В открытых репозиториях его компании я обнаружила паттерны в его коде. Его стиль — аккуратный, элегантный, агрессивный — был таким же, как мой, только на другой стороне доски. Он защищал, я атаковала. Но цель у нас была одна — власть над системой.

Я открыла новый файл и начала составлять план. Не цифровой, а настоящий, на бумаге, которую берегла для особых случаев. Эта бумага не оставляла следов в сети и не могла быть взломана. Ручка скользила по листу, оставляя черные строки, которые невозможно было стереть. Я записывала имена, даты, уязвимости. Чувствовала, как адреналин снова наполняет вены, вытесняя усталость. Дофаминовая яма наполнялась предвкушением. Я была охотником, а добыча — самой ценной в городе. Отложив ручку, посмотрела на окно.

Дождь не прекращался. Город продолжал жить своей жизнью, не подозревая о назревающей революции. Я подошла к окну и приложила ладонь к холодному стеклу. Вдалеке возвышался Шпиль Sterling BioTech, пронзающий небо, как игла, вводящая лекарство в тело города. Мне нужно было проникнуть внутрь. Увидеть его своими глазами, а не через

камеры или данные. В реальности. Эта мысль пугала меня сильнее, чем любой файрвол. Физическая встреча означала риск. Но без риска нет победы.

Я вернулась к столу, надела нейрогарнитуру и снова установила контакт. Мир мгновенно расширился, наполнившись данными. Я погрузилась в тень сети, став невидимой. Начала сканирование периметра Sterling. Это было рискованно. Активное сканирование могли заметить. Но я действовала осторожно. Посылала пакеты настолько малыми, чтобы они терялись в шуме. Скользила тенью вдоль стен крепости.

Я обнаружила уязвимость. Не виртуальную, а реальную. В системе вентиляции. Там стояли умные фильтры, управляемые сетью. Слабое место было в протоколе обновления. Небольшая дверца. Я улыбнулась. Том Стерлинг считал свою защиту безупречной. Но абсолютной защиты не бывает. Всегда найдется тот, кто заглянет туда, куда другие не смотрят. Тот, кто заметит трещину в стене.

Я начала разрабатывать эксплойт. Код возникал сам собой, словно лился из моих пальцев. Я не задумывалась о синтаксисе. Меня вела цель. Я размышляла о том, что будет, когда я проникну внутрь. Что скажу ему? Что сделаю? Этого я не знала. Но понимала: это будет нечто особенное.

Часы на стене показывали три часа ночи. Город просыпался: ночные рабочие сменялись, дроны развозили товары, полиция патрулировала Глубину. Но здесь время словно замерло. Я была вне его. Поглощенная потоком, я забыла о еде,

сне и боли в спине. Оставались только я и код, только я и цель.

Я чувствовала, что Obsidian наблюдает за мной. Не цифрами и не сигналами — ощущением. Кто-то словно дышал мне в спину. Но я не оглядывалась. Смотрела вперед, в будущее, которое откроется мне через взлом.

Закончив скрипт, я сохранила его. Название файла: «Key_To_Kingdom». Усмехнулась. Амбициозно? Да, но я могла себе это позволить.

Я откинулась в кресле, закрыла глаза и увидела код. Он мерцал зеленым, пульсировал, словно живой. Это было мое искусство, моя жизнь и мое проклятие. Теперь этот код станет моим оружием против создателя этого мира — Тома Стерлинга. Я произнесла его имя вслух. Оно звучало твердо, как сталь. Я запомнила его звучание и вкус. Вкус победы или поражения. Я еще не знала, но была готова выяснить.

Открыв глаза, я увидела, что в комнате темно, но мониторы светились, как маяки. Я была готова. Я была Ашем. И я шла за Стерлингом. Город за окном гудел, жил своей жизнью, игнорируя меня. Но скоро он почувствует мое присутствие. Поймет, что даже самые надежные стены не спасут от неизбежного. Я взяла кружку с холодным кофе и сделала глоток. Он был горьким, как правда и жизнь. Поставив кружку на стол, я положила руки на клавиатуру. Игра началась, и правила устанавливала я.

По крайней мере, пока. Потому что в игре с Томом Стер-

лингвом правила менялись на ходу. И я должна была быть быстрее. Умнее. Безжалостнее. Я была хакером. Я была тенью. Я была ошибкой в системе. И я исправлю эту систему. Даже если для этого придется сломать её создателя. Я нажала Enter. Скрипт запустился. Процесс пошел. Обратного пути не было. Контракт подписан. Цель выбрана. Охота началась. И в этой охоте только один выйдет победителем. Или мы сгорим оба. В огне цифрового пожара и неоновом свете.

Глава 1. «Хроника»

Эш Гарднер

Искусственный рассвет пробудил меня не звуком, а светом — мягким и навязчивым. Я поморщилась, инстинктивно натягивая одеяло на голову, но сенсоры квартиры уже считали признаки пробуждения: учащенное сердцебиение, движение глазных яблок под веками. Панорамные окна начали постепенно терять свою непрозрачность, пропуская внутрь утренний свет.

Я сбросила одеяло и села на краю кровати, чувствуя, как тело вспоминает вес гравитации. После ночи в сети, где физическая масса не имела значения, возвращение в собственную плоть всегда было болезненным процессом. Кончики пальцев слегка дрожали. Мой мозг, привыкший за последние шесть часов к скорости света, теперь требовал стимуляции в реальном мире. Но реальный мир был медленным.

Я провела рукой по волосам, каштановые волны рассыпались по плечам. В зеркале на меня смотрела женщина, которую никто не ассоциировал бы с хакером, способным обрушить финансовую корпорацию. Зелено-голубые глаза, бледная кожа, следы усталости под веками. Красивая. Слишком красивая для призрака. Призраки должны быть незамет-

ными. Но Эш Гарднер, редактор издательства «Хроника», должна была выглядеть нормально. Нормальность была лучшим камуфляжем.

Я встала, и ступни коснулись холодного пола из полимерного композита. Система климат-контроля уже отрегулировала температуру в квартире, поддерживая идеальные двадцать два градуса, но холод шел изнутри. Я подошла к окну. Мое отражение наложилось на отражение города — призрак в системе, невидимая для большинства.

За панорамным стеклом простирался Жилой Уровень 42, Верхняя Сетка. Отсюда, с высоты, город выглядел как гигантская вертикальная река из света и металла. Башни уходили вверх, в Зенит, где жили элиты, и вниз, в Глубину, где тлела бедность и преступность, соединённые транспортными туннелями и пешеходными мостами, похожими на вены, прокачивающие жизнь через тело мегаполиса. Воздушные потоки гудели где-то далеко внизу, переноса капли конденсата с верхних уровней охлаждения. Дождь в «Эклипсе» никогда не прекращался полностью. Это была цена жизни под куполом — вода, собранная из дыхания миллионов, очищенная и снова пущенная в оборот, стекающая по стенам бесконечными серыми слезами.

Я отвернулась от окна. Днём я была Эш Гарднер, книжным редактором, человеком, который исправляет чужие ошибки и остается в тени, чье имя никогда не появляется на обложке. Ночью — Ash, хакер, который взламывал кор-

порации ради спорта. И теперь, когда на кону была Sterling BioTech, я не знала, какая из меня настоящая. Граница стиралась.

Вчерашний взлом Nova Corp был разминкой, но послание от Obsidian изменило всё. Четырнадцать дней на проникновение в Sterling BioTech. Получение доступа к ядру ИИ «Aescular». Управление медицинскими протоколами. Это было не просто украсть данные. Это было получить контроль над жизнями. ИИ «Aescular» управлял распределением ресурсов в больницах, он диагностировал болезни, он назначал лечение. Получить доступ к нему — значит стать богом смерти и жизни.

На столе пикинул терминал. Уведомление от издательства: «Совещание в 10:00. Рукопись Джонсона».

Звук был резким, нарушающим тишину комнаты. Я усмехнулась. Запятые в чужих текстах против ядра искусственного интеллекта, управляющего медицинскими протоколами. Какой выбор сделала бы нормальная женщина? Нормальная женщина выбрала бы безопасность. Нормальная женщина побоялась бы взглянуть в глаза человеку, который владеет половиной города.

Но я не была нормальной. Никогда не была. Нормальность была для людей, которые могли позволить себе роскошь быть обычными. У меня же не было выбора. Obsidian знал мое настоящее имя. Obsidian знал, где я живу. Угроза была не в тюрьме. Тюрьма была бы облегчением. Угроза бы-

ла в стирании. Они могли удалить мою цифровую личность, превратить меня в невидимку, который не сможет купить еду, открыть дверь, сесть в транспорт. Новая идентичность, которую они обещали в качестве вознаграждения, была не подарком, это был спасательный круг. С этим я могла стереть редактора. Могла исчезнуть из этого серого сектора навсегда. Купить себе место в солнце, над смогом, в Зените, где воздух чистый, а небо настоящее.

Я прошла в ванную комнату. Стены были покрыты умным стеклом, которое по моей команде стало зеркалом. Я посмотрела на свое отражение внимательнее. Следы ночи можно было скрыть. Я включила косметический синтезатор, и через минуту лёгкий слой умного тональника выровнял цвет кожи, скрыл тёмные круги под глазами. Нано-частицы в составе крема проникли в верхние слои эпидермиса, маскируя усталость на клеточном уровне. Волосы я оставила распущенными. Зелено-голубые глаза, слишком яркие, слишком пронзительные. Я научилась смотреть чуть в сторону, чтобы люди не задерживали взгляд слишком долго. Прямой зрительный контакт в «Эклипсе» воспринимался как агрессия или попытка сканирования. Люди привыкли смотреть сквозь друг друга, сквозь экраны, сквозь интерфейсы.

Душ смыл остатки ночи. Вода была тёплой, ароматизированной — ещё одна привилегия Уровня 42. В Глубине вода шла по расписанию, в Сетке — с примесями, в Зените — как здесь, чистая и бесконечная. Я закрыла глаза, позволяя воде

стекать по лицу. Струи барабанили по ключицам, сбегали по позвоночнику, смывая не грязь, а ощущение присутствия в сети.

Мне казалось, что под кожей всё ещё бегут потоки данных, что мои нервы светятся зеленым кодом. Это было состояние ломки. Хакеры называли это «синдромом отмены реальности». После погружения в абсолютную логику кода физический мир казался хаотичным, несовершенным, полным багов. Люди были самыми несовершенными существами. Они лгали, они ошибались, они меняли решения без логики. В коде ошибка была исправима. В жизни ошибка была необратима.

Я вышла из душа, завернулась в полотенце и вернулась в спальню. Шкаф предложил несколько вариантов одежды. Голосовое управление подсказало погоду на уровне, рекомендуемую температуру, график встреч. Я выбрала скромный серый костюм — не слишком заметный, не слишком запоминающийся. Идеальная одежда для человека, который исправляет чужие ошибки и остаётся в тени. Ткань была синтетической, самоочищающейся, но на ощупь напоминала шерсть. Я надела её, застегивая пуговицы медленно, механически. Каждая пуговица была как замок. Каждый слой одежды — как файрвол. Я строила защиту вокруг себя, прежде чем выйти наружу.

На кухне кофеварка уже готовила мою утреннюю порцию. Запах свежемолотых зёрен заполнил комнату. Это был на-

стоящий кофе, не синтезированный порошок, а редкие зерна, выращенные в гидропонных садах Зенита. Я тратила немалые средства, но это было единственное, что связывало меня с реальностью. Вкус горечи, тепла, жизни.

Я взяла кружку, почувствовав тепло через керамику. Я подошла к рабочему столу. Сейчас мониторы спали, экраны чёрные, как глаза мёртвой машины. Но ночью они оживали. Я допила кофе и посмотрела на время. 08:15.

До работы ещё час сорок пять минут. Достаточно, чтобы проверить сообщения. Я надела нейроинтерфейс — тонкую гарнитуру, которая крепилась за ухом и соединялась с чипом в затылке. Мир наполнился данными. Уведомления, сообщения, новости — всё проецировалось прямо на сетчатку. Я отфильтровала шум, оставив только зашифрованные каналы. Мое сознание расширилось, вмещая потоки информации без необходимости поворачивать голову. Это было удобно. Это было опасно. Зависимость от интерфейса росла с каждым днем. Скоро я не смогу жить без него. Скоро я забуду, как выглядит мир без подсказок, без аналитики, без цифровых слоев поверх реальности.

Одно новое сообщение. От Obsidian. «Ключи шифрования отправлены. Начиная разведку. Не привлекай внимания. 13 дней». Тринадцать дней.

Отсчёт пошёл. Цифры пульсировали в углу зрения, красным цветом, напоминающим о дедлайне. Я сняла интерфейс. Мир снова сузился до размеров квартиры. Тишина надави-

ла на уши. Я взяла сумку, проверила содержимое: планшет, пропуск в издательство, ключи от квартиры. Ничего лишнего. Ничего, что могло бы связать Эш Гарднер с Ash. Телефон был чистым, стандартная модель, без модификаций. Все рабочие инструменты оставались дома, на изолированных серверах, не подключенных к глобальной сети напрямую.

Дверь квартиры открылась с тихим щелчком. Я вышла в коридор, и дверь закрылась за мной, блокируясь биометрическим замком. Я направилась к лифту, чувствуя, как переключается режим. И теперь, когда эти два мира должны были столкнуться, я не знала, выживет ли кто-то из них. Лифт начал спуск. За прозрачной стеной проносились уровни города. Уровень 41. Уровень 40. Издательство «Хроника» находилось на сороковом, всего на два уровня ниже моей квартиры. Но это были разные миры. В жилом секторе стены были мягче, свет теплее. В коммерческом секторе, где располагалось издательство, всё было строже, функциональнее, холоднее.

Я посмотрела на свое отражение в стекле лифта. Женщина в сером костюме, со стаканом кофе в руке. Никто не догадался бы. В лифте пахло чистящим средством. Двое соседей стояли в углу, уткнувшись в свои интерфейсы. Они не смотрели друг на друга. Они не существовали друг для друга, пока лифт не доставит их на нужный этаж. Это было удобно. Это было одиночество в толпе. Я предпочитала это. В толпе легче скрыться. В толпе легче быть никем.

Двери открылись. Я вышла в поток людей, идущих на работу. Коридор Уровня 40 был широким, освещенным панелями, имитирующими дневной свет. По бокам располагались магазины, кафе, офисы. Голографические вывески мерцали, предлагая товары, услуги, развлечения. «Синтетическая кожа со скидкой». «Обновление нейро-драйверов». «Лучший кофе в Сетке». Я шла быстро, не задерживая взгляд. Я знала маршрут наизусть. Два поворота, эскалатор вниз, стеклянные двери.

Издательство «Хроника» занимало три этажа Уровня 40. Офис был оформлен в стиле «ретро-футуризм» — сочетание старых бумажных книг и современных голографических экранов. Я любила это место. Здесь пахло бумагой, краской и кофе. Время текло медленнее, чем в остальном городе. Бумага была анахронизмом, роскошью, но в издательстве её ценили.

— Доброе утро, Эш! — поприветствовала меня Лили с ресепшена. — Совещание в конференц-зале через час.

— Спасибо, — кивнула я, направляясь к своему рабочему месту. Голос звучал ровно. Слишком ровно.

Мой стол находился в углу открытого пространства, рядом с окном. Коллеги шутили, что это «место отшельника» — достаточно далеко от шума, достаточно близко к свету. Я не возражала. Я не пришла сюда заводить друзей. Друзья задавали вопросы. Друзья хотели знать, чем ты занимаешься вечером. Друзья могли заметить, что ты не спишь ночами.

Я поставила сумку под стол, включила компьютер. Голографический экран развернулся передо мной, показывая список задач. Сегодня: редактирование рукописи молодого автора, проверка вёрстки нового выпуска, совещание по планам на квартал. Обычная работа. Обычный день. Но ничего не было обычным. Каждое действие было частью маскировки. Каждый нажатый клавиша была частью легенды.

Я открыла рукопись. Текст проецировался в воздухе, буквы парили перед глазами. Я начала читать, автоматически отмечая ошибки: лишние запятые, неправильные тире, стилистические шероховатости. Мои пальцы двигались по виртуальной клавиатуре, исправляя, комментируя, улучшая. Это было легко. Слишком легко. Мой мозг, привыкший к сложным алгоритмам шифрования, к архитектуре нейросетей, скучал над грамматикой. Но в этом была суть прикрытия. Я должна была быть хороша в том, что делала днём, чтобы никто не усомнился в моей лояльности. Ошибка в тексте могла привлечь внимание. Ошибка в коде могла убить.

— Эш, ты видела новости? — голос Марты из отдела маркетинга вырвал меня из концентрации. Я подняла взгляд. Марта стояла рядом, держа в руках голо-планшет. Её пальцы быстро перемещались по поверхности, листая ленты новостей. Марта была нервной, всегда спешила, всегда боялась что-то упустить. Она была идеальным барометром настроений в городе. Если Марта нервничала, значит, что-то происходило.

— Какие новости? — спросила я, стараясь звучать безразлично. Я убрала руки с клавиатуры, сложив их на столе. Поза открытости. Поза человека, которому нечего скрывать.

— В Sterling BioTech какая-то аномалия была. Слышала, что у них была попытка взлома на днях? — Марта не отрывалась от планшета. — Говорят, их система безопасности что-то обнаружила, но подробности не разглашают.

Я замерла на секунду. Палец завис над виртуальной клавишей. Сердце пропустило удар. Это было слишком быстро. Nova Corp была вчера ночью. Новости должны были всплыть позже. Или это была утечка от Obsidian? Чтобы создать шум? Чтобы отвлечь внимание?

— Вроде бы нет, — ответила я ровно. — Просто слухи. Корпорации всегда что-то скрывают. Акции растут, акции падают. Это нормально.

— Может быть, — Марта пожала плечами. — Но акции Sterling вчера упали на два процента. Инвесторы нервничают. Говорят, Том Стерлинг лично возглавил расследование.

Имя прозвучало как выстрел. Том Стерлинг. Архитектор будущего. Человек, которого я должна была взломать. Человек, который, возможно, уже выследил мой вчерашний след.

— Он всегда лично всё контролирует, — сказала я, возвращаясь к тексту.

— Это его стиль. — Да, говорят, он гений. Но даже гении ошибаются, — Марта усмехнулась и ушла, продолжая листать новости.

Я смотрела ей вслед, чувствуя, как внутри что-то ёкнуло. Obsidian не терял времени. Если новости уже просочились, значит, что-то пошло не по плану. Или это была часть игры? Проверка моей реакции? Я вернулась к рукописи, но текст больше не шёл. Слова расплывались, теряли смысл. Буквы танцевали перед глазами, превращаясь в строки кода. Я сделала глубокий вдох, пытаюсь сосредоточиться. Вдох. Выдох. Воздух в офисе был кондиционированным, сухим. Я чувствовала запах тонера, пыли, чужих духов.

— Мисс Гарднер? — голос шеф-редактора, Энтони, заставил меня вздрогнуть. Он стоял рядом, держа в руках планшет с документами. Энтони был человеком старой школы — предпочитал бумажные носители цифровым, считал, что «настоящая книга должна пахнуть бумагой». Он носил очки с диоптриями, хотя медицина могла исправить зрение за пять минут. Это был его способ бунта против системы.

— Да, Энтони?

— Совещание через сорок минут. Не опаздывайте. — Он посмотрел на мой экран. — Как продвигается Джонсон?

— Почти закончила. К обеду будет готово.

— Хорошо. — Энтони кивнул и ушёл. Он хромал. Старая травма ноги, полученная ещё до постройки купола, в временах, о которых не писали в учебниках. Я проводила его взглядом. Я работала в «Хронике» уже три года. За это время никто не узнал о моей второй жизни. Никто не заподозрил, что тихая редакторша, которая всегда сидит в углу и редко

разговаривает, ночью взламывает корпоративные сервера. Я была невидимкой. И это было моё величайшее достижение.

Я посмотрела на часы. 10:45. До совещания ещё пятнадцать минут. Достаточно, чтобы проверить зашифрованные сообщения. Я активировала нейроинтерфейс на минимальной мощности. Только я могла видеть проекцию на сетчатке. Я открыла зашифрованный чат. Новых сообщений не было. Тишина. Это было хуже, чем угрозы. Тишина означала, что за мной наблюдают. Что мой трафик анализируют. Я закрыла чат и отключила интерфейс. На работе я должна была быть Эш Гарднер, редактором. Никем другим. Любое отклонение от нормы могло быть зафиксировано корпоративными сканерами. Они искали аномалии в поведении сотрудников. Слишком частые отключения интерфейса. Слишком долгий взгляд в пустоту. Слишком редкие моргания. Я должна была быть идеальной функцией.

Совещание прошло как обычно. Обсуждали планы на квартал, новые авторы, бюджет. Я сидела тихо, делая заметки. Меня редко просили высказываться — я была исполнителем, не стратегом. Идеальное прикрытие. Стратеги принимали решения. Исполнители выполняли. Исполнителей не подозревали в заговорах. Я смотрела на лица коллег. Они были спокойны. Они жили в иллюзии безопасности. Они верили, что корпорации защищают их. Они верили, что закон существует. Я знала правду. Закон был инструментом. Защита была иллюзией. Безопасность была товаром, который

можно было купить, и который можно было украсть.

Когда совещание закончилось, было уже двенадцать. Коллеги начали расходиться на обед. Я осталась одна в конференц-зале, собирая записи.

— Ты не идёшь? — спросила Лили, заглядывая в зал.

— Позже, — ответила я. — Хочу закончить с Джонсоном. Лили кивнула и ушла. Я подождала, пока коридор опустеет. Затем я открыла свой личный терминал и запустила сканирование внешних сетей. Ничего подозрительного. Sterling BioTech не реагировала на вчерашний взлом Nova Corp. Или реагировала, но скрытно. Я закрыла терминал. Обеденный перерыв. Пора выйти.

Кафе на Уровне 42 было шумным. Синтетическая еда, неоновые вывески, голоса сотен людей, обедающих в перерыве. Я сидела в углу, спиной к стене. Привычка. Всегда видеть вход. Всегда контролировать периметр. Я выбрала стол, где было меньше всего камер. В «Эклипсе» камеры были везде, но некоторые углы были мертвыми зонами, куда не долетал свет сенсоров. Я знала эти зоны. Я изучала карту города так же тщательно, как и код.

Передо мной стояла чашка кофе и тарелка с синтетическим салатом. Я ела медленно, механически, не чувствуя вкуса. Мое внимание было направлено внутрь. Я анализировала окружение. Мужчина за соседним столом слишком часто смотрел на часы. Женщина у входа нервничала, теребя сумку. Официант двигался слишком быстро, словно спешил

доставить заказ кому-то конкретному.

Паранойя? Возможно. Но паранойя сохранила мне жизнь. Я сделала глоток кофе, чувствуя, как тепло распространяется по груди. Это был не просто контракт. Это был отсчёт. Тринадцать дней на проникновение в Sterling BioTech. На доступ к ядру ИИ «Aescular». На управление медицинскими протоколами. Я знала риски. Медицина — это жизни. Если я ошибусь в коде, кто-то может умереть на операционном столе. Но я была профессионалом. Я не делала ошибок.

Я посмотрела вокруг. Люди ели, разговаривали, смеялись. Никто не знал, что среди них сидит человек, который планирует взломать самую защищённую корпорацию в городе. Они жили в своём пузыре. Они беспокоились о ценах, о погоде, о сроках сдачи проектов. Они не знали, что над их головами висит дамоклов меч. Что система, которая лечит их, может быть превращена в оружие.

— Мисс, ещё кофе? — официант стоял рядом с планшетом для заказа.

— Нет, спасибо. — Я положила кредиты на стол. — Сдачу оставьте.

Я встала, взяла сумку и направилась к выходу. По пути я прошла мимо большого экрана, где показывали новости.

«...акции Sterling BioTech стабилизировались после вчерашнего падения. Представители корпорации заявили, что инцидент с безопасностью не повлиял на работу медицинских систем...»

Я не остановилась. Но внутри что-то сжалось. Они знали. Они скрывали. Но они знали. И они готовились. Том Стерлинг не был человеком, который оставляет вещи на волю случая. Если он знал об угрозе, он уже построил контрмеры. Он уже расставил ловушки.

Я вышла из кафе и направилась обратно в издательство. Коридоры были заполнены людьми, идущими с обеда. Я слилась с потоком, ещё одна женщина в сером костюме, ещё одна тень в системе. Но внутри я уже была далеко. В сети. В коде. В игре. Тринадцать дней. Я вернулась на своё рабочее место. Коллеги ещё не вернулись с обеда. Я села, включила компьютер.

Рукопись Джонсона ждала. Но мои пальцы дрожали. Не от усталости. От предвкушения. Я открыла текст и начала читать. Слова плыли перед глазами. Я заставила себя сосредоточиться. Запятая. Тире. Стиль. Но в глубине сознания уже запускались процессы. Планы. Схемы. Уязвимости. Днём я исправляла ошибки в текстах. Ночью — в системах. Где настоящая я? Я не знала ответа. И боялась, что, когда узнаю, будет слишком поздно.

19:00. Издательство пустело. Последние сотрудники уходили домой, выключая свет и компьютеры. Я осталась одна, завершая последние правки в рукописи. Свет в офисе гас секторами, погружая пространство в полумрак. Только мой стол оставался освещённым, островком в темнеющем океане офиса. Звуки города проникали сквозь стекла — далекий

гул транспорта, сирены где-то в Глубине, ритмичный стук систем вентиляции. Я сохранила файл и отправила его автору. Работа на сегодня закончена. Я выключила компьютер. Голографический экран свернулся, исчез. Я взяла сумку и направилась к выходу.

Коридоры были тихими. Только гул систем вентиляции нарушал тишину. Я прошла через турникет, приложив пропуск. Светодиод мигнул зеленым. Доступ разрешен. Всегда доступ разрешен, пока ты соответствуешь профилю.

Лифт поднял меня на Уровень 42. Двери открылись. Я прошла по коридору к своей квартире. Дверь открылась с тихим щелчком, узнав биометрию. Я вошла и закрыла дверь. Блокировка активировалась. Я была дома. Здесь, за этими стенами, я могла снять маску. Сумку поставила на стол. Затем я подошла к рабочему месту, где стояли три изогнутых монитора.

Я сняла офисную одежду. Серый костюм, белая рубашка, строгая юбка. Я повесила всё в шкаф и надела домашнюю одежду — чёрные брюки, тёмную футболку. Удобно. Не мешает двигаться. Ткань была мягкой, дышащей, не сковывала движений. Я чувствовала, как тело расслабляется, как спадает напряжение дня. Я прошла на кухню, налила стакан воды. Выпила медленно, чувствуя, как тело переключается. День закончился. Ночь начиналась. Я вернулась к рабочему столу. Я села в эргономичное кресло, чувствуя, как знакомая форма принимает мое тело. Мои пальцы легли на кастомную

механическую клавиатуру. Я включила компьютеры. Мониторы ожили. Свет заполнил комнату. Бирюзовая жидкость в системных блоках начала пульсировать, как вены под кожей.

Воздух наполнился запахом металла и статики. Это был запах работы. Запах силы. Я взяла нейрогарнитуру. Она была тонкой, лёгкой, почти невесомой. Я надела её, чувствуя, как контакты соединяются с чипом в затылке. Щелчок. Нейроинтерфейс синхронизировался. Мир сузился до света мониторов. Эш Гарднер, редактор, исчезла. Осталась только Ash.

Я закрыла глаза, чувствуя, как меняется дыхание. В реальном мире я была человеком-функцией, который исправляет чужие ошибки и остается в тени. Но здесь, когда нейроинтерфейс синхронизировался с ритмом моего мозга, я стала архитектором реальности.

На центральном экране появилась схема Sterling BioTech. Внешние контуры системы. Защита. Файрволы. Точки входа. Я начала разведку. Я не атаковала. Не сейчас. Я наблюдала. Изучала. Понимала. Потoki данных текли перед моими глазами. Я видела их как реки, как нейроны, как живые существа. Я посмотрела на свое отражение в выключенном мониторе. Глаза блеснули лихорадочным огнем. Я думала, что начинаю охоту. Я не знала, что сама становлюсь добычей.

В комнате снова воцарилась тишина, но теперь она была другой. Не тишина ожидания, а тишина перед бурей. Системные блоки продолжали гудеть, бирюзовая жидкость

пульсировала, но теперь это было не просто оборудование. Это было оружие. Я знала, что сна не будет. Ночь только началась. Мне нужно было изучить структуру «Sterling», найти уязвимости, подготовить инструменты.

Глава 2. Цифровой след

Том Стерлинг

Контроль был не просто привычкой. Это была моя религия, мой язык, моя среда обитания. Хаос был единственным врагом, которого я признавал, единственным демоном, которого я не мог полностью изгнать, но которого можно было держать в клетке из алгоритмов и протоколов.

Я проснулся за три минуты до того, как должен был сработать будильник. Мои внутренние часы были синхронизированы с циркадными ритмами, настроенными искусственным интеллектом моего пентхауса на уровне 85. Искусственный рассвет еще не начался за панорамными окнами, но датчики уже считали фазу моего сна, анализируя движение глазных яблок и частоту сердечных сокращений. Система решила, что я отдохнул достаточно.

Сидя на краю кровати, я чувствовал холод полимерного композита под босыми ступнями. Температура в спальне поддерживалась на уровне восемнадцати градусов — оптимально для когнитивной активности, слишком холодно для комфортного сна, если ты не умеешь контролировать тепло собственного тела. Я научился. Годы упорной работы, годы изучения не только программирования, но и биологии.

В комнате было тихо. Слишком тихо. Звукоизоляция уровня «Зенит» поглощала даже гул города внизу, превращая мегаполис в беззвучную голограмму за стеклом. Я встал и подошел к окну. Стекло было непрозрачным, но по моему голосовому команду оно начало терять молочную дымку, становясь прозрачным, как лед.

«Эклипс» спал. Или делал вид, что спит. Вертикальная река из света и металла, уходящая в бесконечность вверх и вниз. Башни Зенита сияли холодным белым светом, словно звезды, пойманные в ловушку стекла. Ниже, в Сетке, свет был желтее, грязнее, мерцал неоновыми вывесками, рекламирующими синтетическую кожу, дешевые нейро-драйверы и забвение в виртуальных капсулах. Еще ниже, в Глубине, царила тьма, разбавленная лишь огнями патрульных дронов и пожаров, которые никто не тушил.

Я поднял руку, касаясь пальцами холодного стекла. Где-то там, внизу, в лабиринте Уровней 40-45, кишели миллионы жизней. Для меня они были статистикой. Потребители. Пользователи. Биомасса, поддерживающая экономику корпорации. Но сегодня утром статистика дала сбой.

На моем запястье вибрировал имплант. Не звонок. Не сообщение. Предупреждение уровня «Красный».

Я опустил взгляд на кожу. Под эпидермисом вспыхнул крошечный красный светодиод, встроенный в биочип. Система безопасности Sterling BioTech не спала никогда. Она была моим ребенком, моим творением, моим щитом. И

кто-то только что постучал в дверь.

Я не почувствовал страха. Страх — это реакция на неизвестность. А я знал всё. Или думал, что знал. Я активировал нейроинтерфейс, и мир вокруг меня изменился. Воздух наполнился потоками данных. Голографические экраны развернулись прямо в пространстве комнаты, не требуя физических мониторов. Синий свет озарил мое лицо, отбрасывая резкие тени на стены.

Отчет был лаконичным. *Инцидент: Nova Corp. Статус: Завершен. Уровень угрозы: Критический. Подпись: Ash.*

Я прочитал имя дважды. Пепел. Символ того, что остается после сгорания. Поэтично. Слишком поэтично для обычного скриптера из Глубины. Обычно они оставляли следы грязи, шума, грубого кода, написанного наспех, чтобы украсть кредиты и исчезнуть. Это было другое. Это было чисто. Слишком чисто.

Я прошел на кухню. Кофеварка уже начала процесс, считав мои биометрические показатели. Нужен кофеин. Нужна ясность. Пока машина шипела, измельчая редкие зерна из гидропонных садов Верхнего Пояса, я анализировал логи.

Взлом произошел три часа назад. Они вошли через периферию. Умный кондиционер. Смешно. Инженеры Nova Corp забыли обновить прошивку устройства, которое просто охлаждало серверную. Это была не ошибка кода. Это была ошибка человеческая. Лень. Уверенность. Смертельные грехи в нашем мире.

Но то, что они сделали потом... Я остановился, держа в руках горячую керамическую кружку. Тепло проникало в ладони, заземляло. Они не украли ничего. Ни кредита. Ни данных. Ни коммерческой тайны. Они просто оставили сообщение.

Черный кот в очках. Подмигивающий курсор. *«Проверьте логи. Вы спите на работе. — Ash».*

Я усмехнулся. Звук моего смеха растворился в тишине пентхауса, одинокий и сухой. Это было не просто хулиганство. Это было заявление. «Я могу войти. Я могу сделать что угодно. Я выбираю не делать ничего плохого. Пока что».

Это было вызовом. Лично мне.

Я сделал глоток кофе. Горький, насыщенный, настоящий. Вкус жизни. Я посмотрел на город. Где-то там был человек, который считал себя умнее меня. Умнее системы, которую я строил десять лет. Умнее ИИ, который я написал своими руками.

Интерес. Впервые за долгое время я почувствовал не скуку, не раздражение от некомпетентности директоров, не холодную ответственность за тысячи жизней, зависящих от наших медицинских протоколов. Я почувствовал азарт. Охотничий азарт.

— Мистер Стерлинг, — голос секретаря прервал мои размышления. Он транслировался прямо в мой слуховой имплант, мягкий, синтезированный, лишенный эмоций. — Совет ждет вас через двадцать минут. Тема: инцидент с без-

опасностью.

— Я знаю, — ответил я вслух. Мой голос звучал хрипло после сна. — Подготовьте отчет по уязвимостям периферийных устройств во всех дочерних компаниях.

— Уже готово, сэр.

— И еще. Отмените мою встречу с сенатором Холлом.

— Сэр, это может повлиять на лоббирование законопроекта о...

— Отмените, — повторил я тихо. В моем голосе не было угрозы, только факт. — У меня есть более приоритетная задача.

— Слушаюсь.

Я допил кофе, поставил кружку в рециклятор. Она исчезла в отверстии столешницы, чтобы быть промытой и стерилизованной для следующего использования. Ничего лишнего. Никаких отходов. Эффективность.

Прошел в гардеробную. Система подсветила подходящий костюм. Черный, угольный оттенок, ткань с нановолокнами, отталкивающими пыль и жидкость. Идеальный бронекостюм для современного война корпораций. Я оделся медленно, застегивая пуговицы. Каждая пуговица была как замок. Каждый слой одежды — как фэйрвол. Я строил защиту вокруг себя, прежде чем выйти наружу.

В зеркале на меня смотрел человек, который привык побеждать. Светло-русые волосы, уложенные с небрежной точностью. Холодные голубые глаза, которые видели мир не как

картину, а как набор данных. Никаких следов усталости, хотя я спал меньше шести часов. Био-регуляторы делали свою работу.

— Контроль, — прошептал я своему отражению. — Всегда контролируй.

Я вышел из квартиры. Дверь заблокировалась за мной с тихим щелчком. Коридор был пуст. Лифт ждал меня, двери открылись мгновенно, узнав мою биометрию.

Пока лифт спускался на уровень заседаний, я закрыл глаза и углубился в сеть. Не через терминал. Прямо через нейроинтерфейс. Я хотел почувствовать пульс своей компании. Sterling BioTech была не просто зданием. Это была сеть. Сердце билось в серверных, кровь текла по оптоволоконным кабелям, нервные импульсы передавались через терминалы сотрудников.

Я нашел след. Тонкий, почти невидимый шрам на ткани безопасности. Кто-то прошел здесь. Не ломал стену. Не взрывал замок. Просто нашел открытую форточку.

«Женский почерк», — подумал я. Агрессивные хакеры, наемники из Глубины, обычно оставляли после себя выжженную землю. Они использовали брутфорс, DDoS-атаки, вирусы-шифровальщики. Это было похоже на хирургический скальпель. Аккуратно. Терпеливо. Изящно.

Лифт остановился. Двери открылись. Зал заседаний находился на том же уровне, что и мой офис, но в противоположном крыле. Здесь воздух был другим. Чище. Холоднее.

Здесь пахло стерильностью, дорогим парфюмом и металлом. Кислород был обогащен, насыщен ионами, чтобы повышать когнитивные способности элиты.

Одиннадцать директоров уже сидели за столом. Длинный стол из белого мрамора, двенадцать кресел, голографические проекторы в центре. Они замолчали, когда я вошел. Тишина была тяжелой, насыщенной страхом. Они чувствовали угрозу своим активам, своим бонусам, своему статусу. Люди боятся не смерти. Они боятся потери контроля. А я был их контролем.

Я занял место во главе стола. Не сел сразу. Постоял, обводя взглядом каждого. Маркус, финансовый директор, нервно теребил запонки. Сара, глава юридического отдела, смотрела в планшет, избегая моего взгляда. Виктор, директор по безопасности, потел. Я видел капли влаги на его верхней губе, хотя климат-контроль держал идеальные двадцать два градуса.

— Господа, — начал я. Мой голос заполнил зал, не требуя микрофона. Акустика была настроена так, чтобы каждое мое слово звучало как приговор. — Вы знаете, зачем мы здесь.

Я сделал жест рукой. Голограмма развернулась над столом. Схема системы безопасности Sterling BioTech. Красные точки мигали в разных сегментах, как предупреждающие огни на приборной панели неисправного корабля.

— Три дня назад наша IDS зафиксировала аномалию в периферийных системах, — я сделал паузу, позволяя тиши-

не повиснуть в воздухе. Я видел, как сглотнул Виктор. — Не у нас. В Nova Corp. Но паттерн атаки идентичен тому, что мы видели шесть месяцев назад в секторе 7G.

— Вы думаете, это тот же взломщик? — спросил Виктор. Его голос дрогнул. Он знал, что его голова лежит на плахе.

— Я думаю, что кто-то играет с нами, — я посмотрел на каждого из директоров. Мой взгляд был сканирующим, оценивающим. Я видел их мысли, как открытые файлы. Страх. Жадность. Некомпетентность. — Nova Corp была разминкой. Тестом. Кто-то проверяет защиту корпораций Зенита. И следующая цель может быть нами.

В зале повисла тишина. Воздух стал тяжелее. Кто-то кашлянул. Звук прозвучал как выстрел.

— Нам нужно усилить защиту, — сказал Маркус, финансовый директор. Он пытался вернуть себе почву под ногами через бюджеты. — Увеличить бюджет на безопасность. Нанять внешних консультантов. Купить новые лицензии для ИИ-сторожа.

— Защита не проблема, — ответил я спокойно. Я обошел стол, медленно, как хищник. Мои шаги не издавали звука благодаря покрытию пола. — Проблема в том, что кто-то нашёл уязвимость, о которой мы не знали. Умный кондиционер в серверной. Прошивка, которую забыли обновить.

Я остановился за спиной Виктора. Он не обернулся. Он боялся повернуться.

— Человеческий фактор, — продолжил я. — Мы постро-

или неприступную крепость, но оставили ключ под ковриком.

Я сделал жест, и голограмма изменилась. Теперь показывала отчёт об инциденте. Логи, пакеты данных, визуализация вторжения.

— Взломщик оставил послание.

Я нажал на проекцию, и в воздухе появилось изображение: чёрный кот в очках, подмигивающий курсором. Подпись внизу гласила: *«Проверьте логи. Вы спите на работе. — Ash»*.

В зале послышались возмущённые голоса. Шум нарастал, как волна.

— Это издевательство! — воскликнул Маркус. — Мы должны вызвать полицию! — поддержала Сара. — Нашей репутации нанесён ущерб! Акции упадут на открытии торгов!

Я поднял руку. Жест был властным, не терпящим возражений. Голоса стихли мгновенно. Я не кричал. Мне не нужно было кричать. Моя власть была не в громкости, а в уверенности.

— Полиция уже уведомлена, — сказал я, опуская руку. — Но я не думаю, что они помогут. Корп-Страж умеет ловить крыс из Глубины. Они умеют блокировать скрипты-любители. Этот взломщик... — Я подобрал слова, чтобы они поняли суть. Чтобы они почувствовали холод, который чувствовал я. — Этот взломщик не ищет денег. Он ищет вызова.

Деньги можно отследить. Славу — нет. Этот человек хочет доказать, что он умнее системы.

— Что вы предлагаете? — спросил Виктор. Он выглядел так, словно ожидал, что я уволю его прямо сейчас.

— Я предлагаю подготовить ловушку, — я посмотрел на голограмму. Я представлял не сеть, а живое существо. — Если он придёт за нами, мы будем готовы. Мы не будем просто защищаться. Мы будем охотиться.

— Охотиться? — переспросила Сара. — Том, это риск. Если мы начнем активное противодействие, это может быть расценено как кибер-война.

— Это уже война, — отрезал я. — Просто враг еще не объявил себя официально.

Совет продолжался ещё сорок минут. Обсуждали бюджеты, протоколы, планы усиления защиты. Они говорили о цифрах, о процентах, о страховых случаях. Я слушал вполслуха. Мое внимание было занято другим. Я анализировал профиль взломщика. Ash. Пепел. Символ уничтожения, очищения. Кто-то, кто хочет сжечь старое, чтобы построить новое. Или просто кто-то, кто любит смотреть, как горит мир.

На моем личном терминале, скрытом от остальных, мигало уведомление. Система безопасности завершила анализ следов из Nova Corp. Я скользнул пальцем по поверхности стола, активируя приватный канал. Голограмма исчезла для остальных, оставшись видимой только для меня.

— Покажи мне отчёт, — прошептал я.

Голограмма изменилась. Теперь показывала данные о взломщике.

«Никнейм: Ash. Уровень угрозы: Критический. Следы: зашищены. Локация: неизвестна».

Я прочитал ещё раз. Ash. Имя ничего не говорило. Но паттерн атаки... Я узнавал его. Кто-то, кто не просто взламывает. Кто-то, кто понимает систему изнутри. Кто-то, кто пишет код так же красиво, как я.

В коде есть стиль. Как в почерке. Как в живописи. Можно скопировать технику, но нельзя скопировать душу. Я видел душу в этих строках. Холодную, острую, одинокую душу.

— Есть ещё что-то? — спросил я систему.

— Да, сэр, — голос ИИ был безэмоциональным. — Мы обнаружили следы сканирования внешних сетей. Источник: Уровень 40-45. Верхняя Сетка.

Я нахмурился. Верхняя Сетка. Не Зенит, не Глубина. Средний уровень. Где живут те, кто не элита, но и не бедняки. Где живут рабочие, клерки, редакторы. Где легко скрыться в толпе.

— Продолжайте наблюдение. Но тихо. Я не хочу, чтобы кто-то понял, что мы ищем.

— Понял, сэр.

Я отключил связь. Совет заканчивался. Директора начали расходиться, бормоча прощания, избегая смотреть мне в глаза. Они чувствовали, что я принял решение, которое им

не понравится. Они хотели безопасности. Я хотел истины.

Когда зал опустел, я остался один. Тишина вернулась. Я подошел к окну. Город простирался передо мной, миллионы жизней, миллионы историй. Где-то там, в Верхней Сетке, сидел человек, который осмелился бросить мне вызов.

— Кто ты? — прошептал я.

Я не злился. Наоборот. Впервые за долгое время я чувствовал интерес. Вызов. Азарт. Мой терминал издал звук. Новое сообщение от главы службы безопасности: *«Рекомендуем нанять внешних консультантов. Специализация: контр-взлом».*

Я подумал секунду. Затем ответил: *«Найди лучших. Не жалей бюджета».*

Это была ложь. Мне не нужны были консультанты. Мне нужно было пространство. Мне нужно было, чтобы они думали, что я действующую по протоколу, пока я готовил нечто другое.

Я хотел встретить этого взломщика лицом к лицу. Не в сети. В реальности. Я хотел видеть глаза человека, который посмел войти в мой дом. Я вернулся к столу и открыл личную базу данных. Я начал поиск по никнейму «Ash». Результатов не было. Слишком профессионально. Слишком чисто. Но у меня было время. И ресурсы. И терпение.

Я посмотрел на часы. 14:30. День ещё не закончился. Я взял планшет и начал составлять план. Если Ash придёт за Sterling BioTech, я буду готов. Я не просто отражу атаку — я

вычислю её. И тогда мы встретимся.

Покинул зал заседаний раньше времени. У меня была головная боль. Не физическая. Ментальная. Перегрузка данными. Мне нужно было место, где нет людей. Где нет лжи. Где есть только правда кода.

Направился в закрытую лабораторию. Личное пространство, куда не допускались даже члены совета директоров. Доступ сюда был только у меня. Биометрия сетчатки, ДНК-сканер, голосовой ключ. Три уровня защиты.

Дверь открылась с шипением пневматики. Внутри было темно. Только свет серверов, стоящих вдоль стен, создавал призрачное синее сияние. Здесь стояли серверы, не подключенные к глобальной сети. «Воздушная изоляция». Если кто-то и взломает Sterling BioTech, он не сможет попасть сюда. Это было мое святилище.

Я прошел в центр комнаты. Кресло ожидало меня. Я сел, и система сразу обволокла меня интерфейсом. Не голограммы. Прямое подключение. Нейрокабель щелкнул, соединясь с портом в основании моего черепа.

Мир исчез. Остался только поток.

Я запустил персональный алгоритм поиска. «Проект Призрак».

Это было мое тайное оружие. Система, которую я не регистрировал ни в каких реестрах безопасности. Она не защищала. Она искала. Она была создана не для обороны, а для хищничества.

Алгоритм перебирал архивы, сопоставляя графики активности. Он искал не имя, он искал ритм. Каждый человек оставляет цифровой след. Не только то, что он пишет. То, как он пишет. Скорость нажатия клавиш. Паузы между командами. Ритм дыхания, синхронизированный с вводом данных.

Индикатор загрузки заполнился. На экране вспыхнула карта секторов. *ИСТОЧНИК: СЕКТОР 40-45. ВЕРХНЯЯ СЕТКА.*

Я нахмурился. Серый сектор. Клерики, инженеры, редакторы. Тысячи подозреваемых. Найти одного человека здесь — это как искать иглу в стоге сена, если стог размером с город.

Но алгоритм выделил паттерн. Активность в сети зеркально отражала рабочий график служащего. Когда сотрудник спал — хакер работал. Когда сотрудник был на обеде — хакер сканировал периметр.

— Ты где-то здесь, — прошептал я в тишину лаборатории.

У меня не было имени. Не было лица. Только сектор и уверенность. Этого было достаточно, чтобы начать охоту.

Я углубился в код. Я представил сеть Sterling BioTech как организм. Я чувствовал, как по нему ползет чужое присутствие. Это было похоже на ощущение насекомого, ползущего по коже. Неприятно. Но интересно.

Она была осторожна. Она не ломала двери. Она слушала стены. Она проверяла вентиляцию. Она искала трещины.

Я мог заблокировать её прямо сейчас. Одним нажатием. Но я не стал.

— Нет, — сказал я вслух. Мой голос прозвучал громко в пустой комнате.

Если я заблокирую её, она исчезнет. Она найдет другую цель. Она станет осторожнее. Мне нужно, чтобы она чувствовала себя в безопасности. Мне нужно, чтобы она поверила, что у неё есть шанс.

— Пусть сканирует, — приказал я системе. — Пусть думает, что она невидима.

— Сэр, это риск, — ответил голос ИИ. — Если он найдёт уязвимость в ядре...

— Она не найдёт, — отрезал я. — Потому что я оставил ей путь.

— Вы оставили... ловушку?

— Я оставил ей выбор. Ловушка убивает. Выбор учит.

Я хотел увидеть, как далеко она пойдет. Я хотел увидеть её метод. Я хотел понять её мотивацию. Деньги? Идеология? Личная месть?

— «Она»? — переспросил ИИ, анализируя мой предыдущий комментарий о почерке.

— Стиль кода. Женский почерк. Аккуратный. Терпеливый. Мужчина был бы агрессивнее. Нетерпеливее. Женщина... женщина более тщательна. Она хочет не просто разрушить. Она хочет понять.

Я откинулся в кресле. Головная боль усилилась. Мне нуж-

но было отдохнуть. Но я не мог. Охота началась.

Вечер опустился на «Эклипс» медленно. За окнами лаборатории небо стало фиолетовым, затем черным. Искусственные звезды включились на куполе, имитируя ночное небо, которое мы потеряли сто лет назад.

Я не ел. Я не пил. Я существовал только в сети. Мои физические потребности были подавлены химическими регуляторами в крови.

В 19:00 активность из Сектора 40-45 усилилась. Она вернулась.

Я наблюдал за каждым пакетом данных. Она не атаковала. Она отправляла зонды. Маленькие, почти незаметные сигналы, которые проверяли реакцию файрволов. Она картографировала мою защиту.

Она была хороша. Очень хороша. Она использовала квантовые туннели для обхода стандартных протоколов. Это была технология высшего уровня. Откуда у клерка из Верхней Сетки доступ к квантовым ключам шифрования?

Это добавляло еще один слой загадки. Она не была одиночкой-любителей. У неё была поддержка. Или ресурсы.

Я видел, как она скользит вдоль внешних контуров моих файрволов. Она ощущала их текстуру. Они были гладкими, холодными, идеально отполированными. Это была моя работа. Она узнавала мой почерк.

В коде, как и в почерке человека, всегда есть индивидуальные особенности. Мой код был архитектурным. Постро-

ен как собор: симметричный, возвышенный, пугающий своей совершенной логикой.

Но даже в соборе есть тени. Она искала эти тени. Она нашла участки сети, где мониторинг был менее интенсивным. На первый взгляд это выглядело как ошибка проектирования. Но инстинкт шептал ей об обратном. Эти зоны были слишком удобными. Они были как открытые объятия в темном переулке.

Она пока не понимала, что это намеренно оставленные ловушки.

Я замечал, как система реагирует на её сканирование слишком быстро. Слишком точно. Когда она отправляла зонд в сектор 7G, ответ приходил не через стандартные три секунды задержки, а мгновенно. Будто кто-то стоял по ту сторону экрана и ждал именно её прикосновения.

Я чувствовал её волнение. Оно передавалось через задержки в пакетах. Она нервничала. Она понимала, что что-то не так. Но азарт был сильнее страха.

В 21:00 она изменила тактику.

Вместо сканирования она отправила «пробный пакет» в мою систему. Это был маленький, почти незаметный код, который должен проверить реакцию защиты. Это не была атака. Это было сообщение.

Я получил уведомление мгновенно. Я ждал этого.

Я открыл файл. Это не был вирус. Это был вопрос. Код был красивым, лаконичным. Он не пытался скрыться. Он хо-

тел быть прочитанным.

Я улыбнулся. Уголок губ дрогнул. Я провел пальцем по голограмме входящего сигнала, словно касаясь невидимой кожи. Впервые за день я почувствовал тепло. Не физическое. Эмоциональное.

— Вот ты и попалась, — прошептал я.

Вместо блокировки я запустил «Проект Призрак» на полную мощность. Теперь у меня был «маяк» — тот самый пробный пакет. Он нес в себе обратный трассер.

Я увеличил масштаб отображения пакетных данных. В заголовке пакета, глубоко в служебных метаданных, было крошечное несоответствие. Время отправки совпадало с микроскопическим скачком энергопотребления в конкретном жилом блоке Уровня 42.

Но главным было «эхо» нейроинтерфейса.

Каждый нейрочип имел уникальную частоту синхронизации. Обычно хакеры маскировали её. Они пропускали сигнал через шумогенераторы, через прокси-серверы. Но она спешила. Она отправила пакет сразу после работы, не дождавшись полной перезагрузки биометрического кэша своего импланта.

Её рабочий профиль в издательстве «Хроника» и её хакерский профиль использовали одно и то же «железо». Ошибка новичка? Нет. Слишком профессионально для ошибки. Скорее, азарт. Она была уверена в себе. Слишком уверена.

Я ввел команду перекрестного сравнения.

«Сопоставление биометрического ритма ввода...» «Сопоставление уникального ID нейроинтерфейса...»

Индикатор загрузки заполнялся медленно. Полоска прогресса ползла вправо, как секундная стрелка бомбы.

Я не дышал. Весь мир сузился до этой полоски. Вся моя империя, все мои деньги, вся моя власть не имели значения. Имело значение только это имя.

На экране вспыхнуло зеленое окно. *СОВПАДЕНИЕ: 99,8%*

Я кликнул на результат. Перед ним открылось личное дело. Фотография. Имя. Адрес.

Гарднер, Эш. Должность: Старший редактор. Издательство: «Хроника». Уровень: 42.

Я прочитал имя вслух. Оно звучало странно в тишине лаборатории. Слишком обычное для призрака. Эш Гарднер. Редактор. Женщина, которая исправляет чужие ошибки днем, и взламывает системы ночью.

Я посмотрел на фотографию. Зелено-голубые глаза. Серьезное выражение лица. Никакой улыбки. Она выглядела как человек, который всегда ждет удара.

Я открыл консоль прямого соединения. Мои пальцы замерли над голографической клавиатурой.

У меня был выбор. Я мог стереть её цифровую личность одним нажатием. Превратить её в невидимку. Она не сможет купить еду. Не сможет открыть дверь. Не сможет суще-

ствовать в городе. Я мог отправить координаты Корп-Стражу. Через десять минут они были бы у её двери. Я мог заблокировать её доступ навсегда.

Но вместо этого я набрал другое.

Приветствие. Вызов. Признание.

Я хотел сказать ей, что она хороша. Я хотел сказать ей, что я видел её код. Я хотел сказать ей, что она больше не одна в этой игре.

Я нажал «Отправить». Мой палец задержался на виртуальной клавише дольше, чем нужно. Это было нарушение протокола. Это было личное. Это было опасно.

На её экране появился текст. Белые буквы на черном фоне. Простые, без украшений.

«Хорошая попытка, Эш Гарднер».

Я откинулся в кресле, чувствуя странное тепло в груди. Это было не торжество победы. Это было предвкушение диалога.

Я представил её реакцию. Шок. Страх. А вслед за ним... интерес. Я видел её цифровую подпись, её стиль, её азарт. Она была достойным противником.

Но что-то еще шевельнулось внутри. Что-то темное. Желание. Не физическое, не сразу. Интеллектуальное желание. Желание понять. Желание проникнуть в её код так же глубоко, как она проникла в мой.

Я встал и подошел к окну лаборатории. Здесь не было вида на город. Только стены. Но я знал, что она там. В темноте.

За стеклом.

Я открыл свой журнал наблюдения. Добавил новую записку.

«Контакт установлен. Реакция положительная. Субъект эмоционален. Уровень угрозы пересмотрен».

Я закрыл файл. Завтра будет новый день. Новая игра. И я был готов. Вышел из лаборатории. Коридоры были пустыми. Охрана кивнула мне, когда я проходил. Они не знали, что только что произошло. Они не знали, что война началась.

Вернулся в пентхаус. Искусственная ночь была в разгаре. Я не включил свет, подошел к окну. Город сиял внизу, как россыпь драгоценных камней.

Где-то там, на Уровне 42, Эш Гарднер смотрела на то же небо. Она думала, что она охотник. Она не знала, что она добыча.

Но я не хотел убивать добычу. Я хотел приручить её.

Я снял пиджак, бросил его на кресло. Расстегнул ворот рубашки. Впервые за день я почувствовал усталость. Но это была приятная усталость. Усталость после хорошей работы.

Я налил себе виски. Настоящий, выдержанный, не синтезированный. Я сделал глоток. Жидкость обожгла горло, согревая изнутри.

Я думал о ней. О её коде. О её руках на клавиатуре. О её глазах, когда она увидит мое сообщение.

Эти слова повисли в воздухе, между нами, через километры стекла и стали.

Я подошел к терминалу. Открыл её досье еще раз. Прочитал биографию. Родилась в Сетке. Образование стандартное. Никаких связей с криминалом. Чистая история. Слишком чистая.

Она скрывала что-то. Все скрывают.

Я закрыл досье. Выпил виски до дна.

Завтра я начну собирать информацию. Не через систему. Через людей. Я хочу знать, какой кофе она пьет. Я хочу знать, по какой улице она ходит на работу. Я хочу знать, о чем она мечтает, когда смотрит в окно.

Это было безумие. Директор корпорации преследует редактора. Но правила изменились. Когда она взломала Nova Corp, она перешла черту. Когда она попыталась взломать меня, она подписала контракт.

Контракт, условия которого определяю я.

Я лег в кровать. Закрыл глаза. Но сон не приходил. Перед внутренним взором стоял код. Зеленые строки на черном фоне. И подпись внизу.

Ash.

Я уснул под утро, когда искусственный рассвет начал заливать комнату светом. Мне снилось, что я стою в серверной. Вокруг гудят кулеры. Пахнет озоном. И кто-то стоит в тени. Я не вижу лица. Но я знаю, что это она. Она протягивает мне руку. В руке не оружие. Ключ.

Я проснулся с этим ощущением. Ключ. Она держит ключ к чему-то, чего нет у меня. К чему-то, что нельзя купить за

кредиты.

Я встал. Душ. Кофе. Костюм.

День начался. Охота продолжалась.

Но теперь это была не просто охота. Это был танец. И я собирался вести.

Глава 3. Отпечаток

Эш Гарднер

Белое окно чата не просто появилось на экране, оно материализовалось из самой ткани цифрового пространства, словно кто-то провел ножом по черной поверхности реальности и вскрыл её внутренности, обнажив ослепительную, стерильную белизну, которая резала глаза гораздо сильнее, чем любая тревожная сигнализация системы безопасности. Это сообщение не было частью моего кода, не было ошибкой скрипта и не являлось ответом моего собственного сервера; оно пришло извне, пройдя сквозь мои прокси, сквозь шумогенераторы, сквозь лабиринт из виртуальных зеркал, которые я выстраивала вокруг себя годами, чтобы стать невидимой, чтобы превратиться в пепел, чтобы стать тем, что не оставляет следов.

Я сидела неподвижно, словно парализованная, и единственной частью моего тела, которая продолжала функционировать, были глаза, впитывающие эти четыре слова, весившие больше, чем вся моя жизнь, больше, чем все взломанные мной сервера, больше, чем обещанная Obsidian новая идентичность.

«Хорошая попытка, Эш Гарднер».

И это имя, моё настоящее имя, не никнейм Ash, не призрак сети и не набор символов в зашифрованном канале, а Эш Гарднер — человек с паспортом, пропиской, работой и историей, которая теперь лежала передо мной на экране, обнажённая и уязвимая, словно пациент на операционном столе перед хирургом, уже занёсшим скальпель.

Воздух в комнате вдруг стал вязким и плотным, словно его накачали гелием, и каждый вдох требовал усилий, будто я пыталась вдохнуть воду вместо кислорода; лёгкие горели от нехватки воздуха, хотя датчики климат-контроля по-прежнему показывали идеальные двадцать два градуса и нормальный уровень кислорода. Мое сердце пропустило удар, затем забилось вдвое чаще, а потом ушло куда-то в горло, мешая глотать, и я почувствовала, как холодная волна пробежала от затылка вниз по позвоночнику, заставляя мышцы спины свестись в болезненный спазм. Это был не тот приятный холод азарта, который я обычно чувствовала во время взлома, а холод страха — древнего, животного, инстинктивного страха загнанного зверя, который понимает, что капкан захлопнулся не на лапе, а на шее.

Я смотрела на курсор, мигающий в конце строки сообщения: ритмичный, спокойный, безжалостный, как метроном, отсчитывающий последние секунды моей свободы, и каждая его вспышка напоминала удар молотка по гвоздю, вбивающему крышку моего гроба. Мои пальцы, ещё минуту назад летавшие над клавиатурой с уверенностью виртуоза, теперь

лежали на столе мёртвым грузом, онемевшие, холодные и чужие, и я не могла пошевелить ими, не могла нажать клавишу, отключить питание или выдернуть шнур нейроинтерфейса, потому что прекрасно понимала: это уже не имело никакого значения.

Если он отыскал меня здесь, в моей крепости, в изолированной сети, где даже воздух фильтровался от внешних угроз, значит, пробрался он не через цифровые каналы, а через меня саму — через мою ошибку, через мою самоуверенность, через тот самый момент, когда азарт затмил осторожность, и желание почувствовать его систему, ощутить его разум через код оказалось сильнее инстинкта самосохранения.

Я закрыла глаза, пытаюсь отсечь визуальный стимул и погрузиться внутрь себя, чтобы найти ту точку, где допустила сбой и оставила дверь приоткрытой, и в темноте век сразу же всплыла картина вчерашнего вечера: момент отправки пробного пакета, когда я почувствовала сопротивление его файрвола, такое живое и отзывчивое, что мне захотелось коснуться его ещё раз, ещё глубже. Я не стала ждать полной перезагрузки биометрического кэша, не стала маскировать эхо нейроинтерфейса, позволила своему ритму дыхания синхронизироваться с ритмом ввода данных и оставила отпечаток собственной нервной системы в заголовке пакета, словно подпись художника на картине, как вызов, как приглашение.

Я думала, что это останется незамеченным в шуме трафи-

ка, думала, что его система безопасности занята отражением моих зондов, думала, что он играет в защиту, а не в охоту, но жестоко ошиблась.

Он не защищался, а ждал, позволив мне проникнуть достаточно глубоко, чтобы я успела ощутить вкус победы, расслабиться и совершить роковую ошибку, после чего захлопнул ловушку — уже не цифровую, а вполне личную. Выйдя из сети в реальность, он связал мой цифровой след с физическим адресом, соединив хакера Ash и редактора Эш, и теперь, вероятно, сидел где-то в своём пентхаусе на восьмидесяти пятом уровне, в стеклянном замке над облаками смога, и наблюдал за мной через экран, словно энтомолог, рассматривающий приколотую к доске бабочку и ожидающий, когда та перестанет бить крыльями.

Я открыла глаза и вновь уставилась на сообщение: оно не содержало ни угроз, ни требований, ни номера полиции, ни адреса ближайшего участка Корп-Стража, и именно это делало ситуацию гораздо хуже, ведь угроза была бы понятна и логична, она означала бы, что я для него просто враг, цель или проблема, подлежащая устранению, тогда как эти слова носили глубоко личный, почти интимный характер, нарушая границы не только моей цифровой безопасности, но и личного пространства, права на анонимность и чёткое разделение жизней.

Очевидно, он не собирался меня арестовывать, по крайней мере прямо сейчас, иначе давно бы вызвал полицию, а

если бы хотел уничтожить — стёр бы мои данные; вместо этого он выбрал диалог и игру, что означало лишь одно: правила изменились, и я больше не была невидимым призраком, штурмующим неприступную крепость, а стала полноправной участницей дуэли, где противник уже видел моё лицо.

Я медленно, преодолевая внутреннее сопротивление, заставила себя вдохнуть, и, хотя воздух всё ещё казался тяжёлым, лёгкие уже заработали, насыщая кровь кислородом, а затуманенный паникой мозг начал проясняться, возвращаясь к привычному режиму анализа и выживания. Паника — это смерть, она оставляет логи и толкает на ошибки, поэтому я повторяла эту мантру про себя, словно заклинание или код инициализации, перезагружающий систему: я хакер, я профессионал, я уже попадала в переделки, выкручивалась раньше и выкручусь сейчас, но для начала мне нужно понять, чего именно он хочет.

Перевела взгляд с сообщения на часы. Три часа ночи. Город за окном гудел, но этот звук теперь казался чужим и враждебным, словно каждый шум двигателя дрона, каждый всплеск неоновой рекламы был частью системы наблюдения, уже настроенной на меня. Моя квартира, которая всегда оставалась моим убежищем, моим коконом, где я могла сбросить маску Эш Гарднер и снова стать Ash, теперь казалась стеклянной и прозрачной, будто стены исчезли, и я сидела на витрине, выставленная напоказ.

Я посмотрела на угол комнаты, где стояли системные блоки, бирюзовая жидкость в которых пульсировала спокойно, совершенно не подозревая, что их хозяйка только что потеряла контроль, и внезапно меня накрыл приступ горячей, обжигающей ярости, направленной не на Тома Стерлинга, а на саму себя: как я могла проявить такую беспечность и позволить эмоциям взять верх над логикой? Проклятый азарт, моя главная сила и одновременно слабость, снова заставил меня рискнуть там, где этот риск был совершенно неоправдан.

Вспомнила его код, который мелькнул перед глазами во время сканирования: аккуратный, элегантный, агрессивный, — и я угадала в нём его характер ещё до того, как увидела имя, потому что он оказался таким же, как я, таким же одиноким, уверенным и жаждущим преодоления, и теперь мы были связаны не контрактом Obsidian, не деньгами и не угрозами, а этим самым моментом взаимного узнавания, когда он узнал, кто я, а я — кто он, и между нами, словно мост, перекинутый через бездну, повисло это сообщение.

Я протянула руку к клавиатуре, и, хотя пальцы всё ещё слегка дрожали, я коснулась холодной поверхности клавиш, понимая, что должна ответить, ведь молчание стало бы признанием поражения и страхом, а я ни за что не хотела, чтобы он думал, будто я испугалась, особенно если это действительно так. Я начала печатать, медленно обдумывая каждое слово, удаляя лишнее, стирая эмоции и оставляя лишь голую суть, потому что не могла показать ему свою уязвимость

или дать понять, что он меня напугал, — мне нужно было сохранить лицо и удержать маску.

«Ты тоже неплох, Стерлинг», — набрала я, но сразу же стёрла: слишком просто, слишком обыденно, словно комплимент ученику, а я хотела верить, что мы равны. «Как ты меня нашёл?» — подумала я, но это тоже не подошло, ведь прямой вопрос выдавал бы интерес и метод, даря ему преимущество, поэтому я снова стёрла текст, пока курсор ритмично мигал в звенящей тишине комнаты, где время растягивалось, словно резина, и каждая секунда промедления работала против меня. Он ждал, я знала это наверняка, он сидел там, в офисе или дома, и, возможно, даже не видел статуса «печатает», но я ощущала его ожидание кожей, понимая, что мой ответ должен сохранить хрупкий баланс сил, показать, что я не жертва, и дать понять: игра продолжается.

«Ты заметил след. Значит, я его оставила неслучайно», — набрала я наконец.

Это было намеренно двусмысленно: фраза могла звучать как попытка выдать ошибку за хитрость, но также несла в себе скрытый вызов, давая понять, что я не просто взламывала его систему, а проверяла, насколько внимательно он смотрит в ответ. Это оставляло необходимое пространство для манёвра, звучало достаточно дерзко, чтобы не походить на мольбу, и сохраняло нужную интригу, плавно переводя конфликт из плоскости цифровой атаки в личную дуэль. Я нажала Enter, и сообщение растворилось в сети, мгновенно

сменившись ощущением пустоты, будто я выбросила нечто важное в непроглядную тьму, не зная, упадёт ли оно на землю или зависнет в воздухе навсегда; я откинулась в кресле, скрипнув слишком громко в этой тишине, и закрыла глаза. Ждать пассивно я не могла, мой мозг требовал действий и контроля, поэтому я начала лихорадочно проверять уже не цифровые системы на экранах, а физическое окружение, встала и подошла к окну, где тёмное панорамное стекло отразило мою бледную фигуру с неестественно широко раскрытыми глазами и расширенными зрачками, и я прижала ладонь к холодному стеклу.

Я проверила дверной замок: биометрический сканер спокойно горел зелёным, подтверждая доступ, но я не могла не задаться вопросом, способен ли он обойти эту защиту, поэтому подошла и вручную проверила механическую защелку — дополнительный стальной замок, который я установила ещё до работы в издательстве, надёжный, но для человека с ресурсами Стерлинга сталь оставалась лишь обычным материалом. Вернувшись к компьютеру, я немедленно приступила к усилению защиты: начала переписывать ключи шифрования, менять прокси-узлы, сбрасывать кэш и стирать логи, работая быстро и механически, позволяя мышечной памяти выполнять рутинные действия, пока сознание парило где-то в другом месте.

Я думала о нём. О Томе Стерлинге. Кто он на самом деле, помимо сухих строк досье? Гений, миллиардер, владелец

жизни и смерти. Но в коде я видела иное: одиночество, перфекционизм, граничащий с одержимостью, человека, который так же тщательно выстраивал вокруг себя стены, как и я сама. И теперь эти стены треснули. Я проникла в его, он проник в мои. Мы были похожи, и эта мысль пугала меня сильнее угрозы тюрьмы, ведь быть похожей на него означало понимать его, а понимать — значит предвидеть его ходы, но это также означало, что он сможет предвидеть мои. Мы стали зеркальными отражениями в тёмной комнате.

Закончив с базовой защитой, я обновила системы, усложнив вход, но прекрасно понимая, что это не спасёт меня, если он решит найти меня по-настоящему, в физическом мире. Я посмотрела на телефон: обычный, чистый, без следов, но могли он отслеживать сигналы вышек? Мог ли вычислять моё положение через триангуляцию сотовой сети? Я выключила аппарат, вынула сим-карту и спрятала её в маленький экранящий контейнер. Это было параноидально, но необходимо.

Я прошла на кухню, налила стакан воды и выпила. Холодная жидкость не освежала, горло оставалось сухим. Оперевшись о столешницу, я вгляделась в темноту коридора. Квартира была тихой. Слишком тихой. Каждый шорох казался шагом, каждый скрип пола — чьим-то присутствием. Я знала, что одна, проверила датчики движения — никого, но знание не убирало чувства. Чувства наблюдения. Чувства, что за мной смотрят. Не через камеру, а через данные, через ин-

формацию. Я стала для него открытой книгой: он мог прочитать мою историю покупок, медицинскую карту, переписку с коллегами, список любимых книг и привычки. Он знал, какой кофе я пью, во сколько встаю, где работаю. Это было глубокое, интимное нарушение. И самое странное заключалось в том, что тёмная, извращённая часть хакера во мне находила в этом возбуждение. Быть увиденной. Быть понятой. Быть оценённой. Obsidian видел во мне инструмент. Том Стерлинг видел личность. Это меняло всё. Это меняло ставки.

Вернувшись в комнату, я снова уставилась на экран. Ответа не было. Прошло десять минут. Для сети это вечность, для человека — время на раздумье. Что он думает? Смеётся? Злится? Планирует следующий ход? Я села в кресло, ноги затекли, адреналин начал отступать, оставляя после себя усталость и дрожь в руках. Химический откат. Дофаминовая яма снова раскрылась подо мной. Я была на пике напряжения, и теперь тело требовало отдыха, но мозг не позволял, требуя решения.

Я посмотрела на контракт Obsidian. Файл всё ещё висел в соседнем окне. «Sterling BioTech».

«Ядро ИИ Aescular». «14 дней».

Теперь это выглядело как приговор. Obsidian требовал взлома. Стерлинг знал о попытке. Если я продолжу, то пойду прямо в его руки. Если откажусь, Obsidian уничтожит меня. Я оказалась между двух огней, и оба контролировались людьми, видевшими меня насквозь. Мне нужен был выход,

нужен был план Б, но он требовал времени, которого у меня не было. Я начала анализировать ситуацию холодно и отстранённо, будто это была не моя жизнь, а задача в симуляции.

Вариант первый: бежать. Стереть личность. Исчезнуть в Глубине. Но Obsidian найдёт. Они обещали. И у них были ресурсы. Вариант второй: сдаться Стерлингу. Попросить защиты. Но зачем ему меня защищать? Я пыталась взломать его компанию, угрожала его активам. У меня не было рычагов. Вариант третий: играть. Продолжить игру. Использовать его интерес против него самого. Заставить думать, что я ценнее живая и на свободе, чем в тюрьме. Заставить его защитить меня от Obsidian ради доступа к моим навыкам. Рискованно. Безумно. Но единственный шанс выжить.

Я вновь посмотрела на экран. Тишина давила. Я решила использовать это время и открыла доступ к публичным архивам Sterling BioTech. Не к защищённым. К открытым: отчёты, интервью, выступления. Я начала искать паттерны в его поведении. Не в коде. В жизни. Как он реагирует на кризисы? Как ведёт переговоры? Есть ли у него слабые места? Я нашла видео его выступления год назад. Он стоял на сцене в чёрном костюме без галстука, голос звучал спокойно и уверенно, но я заметила микро-жест: когда ему задали вопрос о безопасности медицинских данных, он на секунду коснулся запястья. Там был имплант. Он проверял данные. Он нервничал. Не явно, но для натренированного взгляда это было заметно. Он заботился о репутации больше, чем о прибы-

ли. Это было важно. Репутация — это уязвимость. Прибыль можно восстановить, репутацию — нет. Если я угрожу его репутации, у меня появится рычаг. Но как? Я не хотела шантажа. Шантаж — путь преступника. Я хотела партнёрства. Я хотела равенства.

Я закрыла видео. Голова начинала гудеть, пульсация в висках отбивала тот же ритм, что и мигающий курсор. Спать необходимо, но сон стал невозможен: в этом мире любая грёза могла обернуться ловушкой, а любой отдых — записаться нейроинтерфейсом. Я сняла гарнитуру, убрала её в запертый ящик стола. Физическая изоляция казалась единственным спасением. Легла на кровать, не раздеваясь, готовая вскочить при первых признаках тревоги. Жёсткий матрас, ледяная подушка. Закрыла глаза, но темнота за веками не принесла покоя: она кишела обрывками зелёного кода, текстом сообщения и холодными голубыми глазами Стерлинга с фотографии.

Я ворочалась с боку на бок, а время тянулось вязко, растягивая каждую минуту до часа. Прислушивалась к дому: шаги соседей сверху, гудение лифта, журчание воды в трубах. Обычные шумы, но сегодня каждый из них мог оказаться маскировкой. Так я пролежала до рассвета, и лишь когда искусственный свет начал медленно заполнять комнату, по телу разлилось подобие облегчения. Наступил день. Время маски. Время Эш Гарднер, редактора. Я встала. Тело ныло, глаза слипались, но я заставила себя двигаться, следуя отра-

ботанному ритуалу: душ, кофе, одежда. Всё должно выглядеть, как всегда. Любое отклонение от нормы будет замечено, а если он следит, то заметит малейшую странность. Мне нужно было стать идеальной функцией в отлаженной системе.

Я включила душ, выкрутив кран на максимум. Горячая вода должна была смыть ночь, страх и назойливое ощущение чужого взгляда, но барабанившие капли лишь подчеркивали липкость на коже, словно цифровые следы въелись в поры. Выйдя из ванной, я посмотрела в зеркало: тёмные круги под глазами выдавали бессонницу. Синтезатор тона быстро скрыл усталость, волны укладки и безупречный бордовый костюм добавили необходимой незаметности. На кухне уже работала кофеварка. Аромат кофе оставался единственным, что казалось по-настоящему реальным. Я выпила чашку стоя, не различая вкуса, воспринимая лишь обжигающую температуру и химический толчок кофеина.

Оставаться дома было бы подозрительно, а больничный привлѣк бы лишнее внимание. Работа оставалась лучшим прикрытием: люди, камеры, корпоративная безопасность — там я становилась частью системы, а не мишенью. Проверила сумку: планшет, пропуск, ключи. Никаких инструментов, только чистота. В коридоре дверь захлопнулась за спиной, лифт уже ждал. Я опустила взгляд, стараясь не встречаться с камерами и людьми, растворяясь в утреннем потоке. Издательство встретил привычный турникет, зелёный огонѣк

сканера — я внутри. Безопасно? Вряд ли. Безопасных мест больше не существовало, но здесь хотя бы всё было знакомо.

За столом я включила обычный офисный терминал, напроць отрезанный от моих личных серверов. Перед глазами легла очередная рукопись, но текст плыл, буквы расплывались. Сосредоточиться не получалось: каждый стук соседской клавиатуры казался зашифрованным сигналом, каждый брошенный взгляд коллеги — скрытой проверкой.

— Ты сегодня бледная, Эш. Всё в порядке? — Марта подошла слишком близко, её голос прозвучал неестественно громко. Я натянута улыбнулась.

— Просто не выспалась. Ночью читала.

— А, книжные дела, — понимающе кивнула коллега. — Не засиживайся. Я ответила тем же кивком. Ложь. Первая за день, но далеко не последняя.

На экране мерцала рукопись: править ошибки, расставлять запятые и тире. Но в голове бился совсем другой код — Стерлинга, код моей собственной жизни. Я ждала следующего сообщения, первого шага, удара. Но телефон и компьютер молчали. Тишина оказывалась страшнее прямой атаки: удар означал действие, а тишина — выжидание. Он дал мне время осознать положение, время испугаться, полностью контролируя темп. Именно это бесило сильнее всего. Я привыкла дёргать за нити, а не быть марионеткой, но теперь все концы были в его руках.

Часы показали обед. Аппетита не было, но для поддержа-

ния легенды нужно было поесть. В кафе я заняла привычный угол спиной к стене, заказала салат и механически отпирала вилку в рот, сканируя зал. Кто-то из них мог оказаться его агентом? Официант? Мужчина у окна? Девушка с планшетом? Паранойя расцвела пышным цветом, превращая каждый случайный взгляд в прицел. Доев, я вернулась к столу. Работа, вечер, конец дня. Коллеги расходились, а я осталась последней.

Офис пустел, свет гас, оставляя меня в полумраке, разбавленном лишь холодным свечением монитора. Я подключилась к личному терминалу через защищённый канал. Стерлинг молчал, зато пришёл запрос от Obsidian:

«Статус?».

Одно слово, короткое и требовательное. Какой статус я могла сообщить? Что меня раскрыли? Что я в ловушке? Что играю на две стороны? Нет.

«Разведка продолжается. Защита сложнее ожидаемой. Требуется время», — набрала я.

Ложь, но необходимая. Obsidian не должен знать о Стерлинге, по крайней мере, пока. Если они поймут, что меня вычислили, то спишут меня в брак и утилизируют. Мне нужно было выиграть время. Отправив ответ, я закрыла канал, выключила компьютер и направилась домой.

Путь назад ничем не отличался от утреннего: лифт, дверь, тишина квартиры. Сняв костюм и переодевшись в домашнее, я снова села за компьютер, запустила системы и прове-

рила периметр защиты. Никто не входил, никто не сканировал. Он продолжал молчать. Почему? Что планировал? В чате по-прежнему было пусто. Моё вчерашнее сообщение висело в сети, как памятник дерзости. Статус доставки подтверждал, что он его прочитал, но ответа не было. Игра в молчанку. Кто первый дрогнет? Кто выдаст слабость? Ждать вечно я не могла. Нужно было действовать. Я начала писать новый скрипт — не для атаки, а для защиты и маскировки. Цифровой фантом, который будет имитировать мою сетевую активность, пока я сплю, работаю или просто живу. Это усложнит ему задачу и даст мне драгоценную фору. Я работала до рассвета. Сон не шёл, кофеин давно перестал действовать. Оставались только код, логика и тотальный контроль.

Когда рассвет снова залил комнату, я осознала, что не спала уже двое суток. Тело и мозг требовали отключения, но страх не отпускал. Я рухнула на кровать, закрыла глаза и мгновенно провалилась в тяжёлый, безвидений сон.

Меня вырвал из забытья резкий, неумолимый звонок в дверь. Я вскочила, сердце колотилось где-то в горле. Кто? Полиция? Люди Obsidian? Или он сам? Подошла к двери, заглянула в глазок — пусто. Камера показывала безлюдный коридор. Звонок повторился. Я активировала голосовую связь.

— Кто там? — мой голос прозвучал хрипло.

— Курьер. Доставка для мисс Гарднер.

— Я ничего не заказывала.

— От Sterling BioTech. Конфиденциально. Я замерла. Стерлинг. Он не пришёл лично, а прислал посылку. Это было одновременно лучше и хуже. Лучше — не было прямого контакта. Хуже — он знал мой адрес с точностью до квартиры, раз мог отправить курьера.

Я открыла дверь, не снимая цепочку. На пороге стоял молодой курьер в безликой униформе, дежурно улыбаясь.

— Распишитесь здесь, — он протянул планшет. Подписав, я забрала небольшую чёрную коробку без логотипов, с одним только моим именем.

— От кого? — уточнила я.

— От отправителя. Больше ничего не знаю, извините.

Он ушёл. Заперев дверь на все замки, я отнесла посылку на стол и долго смотрела на неё. Что внутри? Взрывчатка? Жучок? Подарок или угроза? Взяв канцелярский нож, я вскрыла упаковку. Внутри лежал нейроинтерфейс — новый, модифицированный. И короткая записка:

«Твой устарел. Этот безопаснее. Т.С.»

Я подняла устройство. Лёгкое, слегка тёплое. Рядом валялся мой старый модуль, и от этого контраста по коже побежали мурашки, словно он коснулся меня сквозь расстояние и время. Это было вторжением. Но одновременно — предложением. Он обновлял моё железо. Заботился о моей безопасности? Или о своей, чтобы я ненароком не обрушила его систему устаревшим оборудованием? Я не знала наверняка, но поняла главное: он не собирается меня останавливать. Он

собирается направлять. И это меняло правила.

Я не стала спешить с подключением. Сначала — проверка. Вирусы, жучки, скрытые трекеры. Изолированный сканер работал тихо, отсчитывая часы. Один. Два. Три. Результат — ноль. Устройство было кристально чистым, флагманского класса, стоившим дороже всего моего арсенала вместе взятого. Он не сэкономил. Он инвестировал. Но во что? В меня? Я откинулась в кресле, глядя на чёрный прямоугольник, похожий на артефакт или отмычку. Игра перешла на новый уровень. Это уже не было противостоянием взломщика и системы. Это становилось партнёрством — против внешнего мира, против Obsidian или, возможно, против нас самих.

Старый интерфейс отправился в мусоропровод. Утилизация. Прошлое осталось в прошлом. Теперь у меня было новое оружие и новый противник, который легко мог стать союзником или хозяином. Я надела модуль. Тихий щелчок, мгновенная синхронизация — и мир изменился. Стал чётче, ярче, отзывчивее. Он не солгал: это было на порядок лучше. Вместе с приливом сил я ощутила и холодное понимание зависимости. Теперь связь с ним стала абсолютной, пропущенной через его технологии и этот молчаливый дар.

Я открыла чат и набрала:

«Принято. Но это не покупает меня».

Сообщение ушло мгновенно, и почти сразу пришёл ответ:

«Я не покупаю. Я инвестирую в потенциал».

Быстро. Слишком быстро. Он ждал. Был онлайн или за

него отвечал алгоритм — неважно. Диалог начался по-настоящему. Я улыбнулась. Впервые за двое суток. Усталой, но искренней улыбкой.

— Посмотрим, Том, — прошептала я. — Посмотрим, кто кого переиграет. Я повернулась к окну. Дождь кончился, и за стеклом раскинулось неестественно чистое, словно отфильтрованное небо. Город жил своей жизнью. Я — своей. Игра продолжалась, и теперь у меня появился новый ход. Пальцы легли на клавиатуру, рождая не план взлома корпорации, а стратегию выхода из тупика. Победы не над ним, а над обстоятельствами, над Obsidian, над собственным страхом. Я была Эш Гарднер. Я была Ash. И проигрывать не собиралась. Особенно сейчас, когда всё только начинало становиться по-настоящему интересным.

Адреналин вновь потёк по венам, вытесняя усталость и остатки головной боли. Остались только я, код и он — где-то в сети, в реальности, в моём собственном сознании. Я начала работать. Ночь была короткой, а дел — невпроворот.

Глава 4. Инвестиция в потенциал

Том Стерлинг

Тишина в пентхаусе была не отсутствием звука, а проявлением контроля. Абсолютной, стерильной тишиной, которую можно было купить лишь на уровне восемьдесят пять: воздух здесь проходил семь стадий очистки, насыщался ионами для когнитивной эффективности, а акустические панели в стенах из матового белого композита глотали любой шорох. Даже биение собственного сердца казалось слишком громким вторжением в идеальную симфонию покоя.

Я стоял у панорамного окна, наблюдая, как искусственный рассвет медленно размывает тьму над Аркологией. В этом постепенном проявлении света из мрака было что-то родное процессу компиляции: когда из хаоса нулей и единиц рождается структура, обретает форму, становится функциональной. Так же и сейчас из разрозненных потоков телеметрии, поступающих с устройства у Эш Гарднер, складывался её портрет. До сегодняшнего дня она существовала для меня лишь как набор уязвимостей в моей системе безопасности.

Голографическое сообщение висело над столом, простое, но заряженное напряжением:

«Принято. Но это не покупает меня».

Мой ответ ушёл мгновенно, без паузы. Пауза означала бы сомнение, а я не сомневался ни секунды:

«Я не покупаю. Я инвестирую в потенциал».

Это было не просто сообщение, а заявление о намерениях. Определение правил новой игры, где ставки давно переросли корпоративную безопасность. Теперь на кону стояло нечто личное, касающееся самой сути моего существования как архитектора этого цифрового мира.

Я отошёл от окна к центральному терминалу. В воздухе вращалась трёхмерная модель устройства, сейчас скрытого за её ухом. Маленький чёрный прямоугольник, выглядевший как стандартный нейроинтерфейс, но внутри скрывавший технологию, отсутствующую в реестрах патентного бюро. Пять лет разработки в тайне. Основа здесь была не в коде, а в квантовой физике и резонансных частотах материи.

Эш была профессионалом. Её взлом Nova Corp доказал: она умеет искать бэкдоры, сканировать на трояны, проверять теплоотвод. Она прогнала устройство через изолированный сканер, но не нашла ничего. Искать было нечего. Не было кода для чтения, не было сигнала для перехвата. Отслеживание шло не через сеть, а через саму структуру пространства вокруг неё. Микроскопический квантовый кристалл в системе питания изменял локальное электромагнитное поле в такт её нейронной активности, создавая уникальную подпись. Её считывали только сенсоры инфраструктуры города, замаскированные под системы мониторинга климата и эне-

гопотребления. Мои сенсоры. Контроль Sterling BioTech.

Это была гениальность не в сложности, а в обходе самой концепции цифровой передачи. Наблюдение через физику. Через тепло. Через электричество. Нельзя поставить заплатку на закон Ома или заблокировать магнитное поле. Надевая устройство, она не просто подключалась к сети — она становилась живым узлом в системе, которую я построил. Каждый её вдох, каждый всплеск адреналина отражался в моих данных как колебание напряжения, которое я мог интерпретировать с точностью до миллисекунды.

На экране пульсировали линии: синие, зелёные, красные. Частота сердцебиения, температура кожи, активность префронтальной коры. Я видел, как её организм пытался уйти в глубокий сон, но постоянные микропробуждения выдавали перегруженную миндалевидную долю. Высокий уровень тревоги. Она обрабатывала угрозу, которую я представлял. Знание это было интимнее, чем если бы я стоял у её кровати. Я видел не движение под одеялом, а химическую причину страха. Во мне странно уживались удовлетворение от того, что она больше не может скрыться, и вина за столь фундаментальное нарушение границ. Но в мире, где приватность стала товаром, а безопасность — иллюзией, мои действия диктовались не жадной контролью ради контроля, а необходимостью обезвредить переменную, способную разрушить всё, что я строил десятилетиями.

Она не спала всю ночь. К утру когнитивная реакция про-

села, но я знал: эти часы она потратила на анализ, на построение планов, на поиск выхода из ловушки, в которую попала, даже не заметив капкана. Уважение к её интеллекту лишь усиливало желание встретиться лицом к лицу. Переписке не хватало контекста, микровыражений, невербальных сигналов. Пришло время перевести игру в физическое пространство, где правила диктуются не только кодом, но и присутствием.

Я направился в гардеробную. Система уже подобрала экипировку для спуска в нижние секторы: тёмно-синий костюм из ткани с памятью формы, не мнущийся и отталкивающий пыль, белая рубашка без галстука, обувь на бесшумной подошве. Я планировал появиться без предупреждения, чтобы увидеть реакцию неподготовленную, настоящую.

Пока одевался, я подбирал слова. Баланс силы был хрупок: надавишь слишком сильно — она уйдёт в Глубину, где мои сенсоры часто слепнут; будешь мягок — она поймёт, что у неё есть рычаги, и попытается манипулировать. Я не мог позволить себе стать марионеткой, даже если нити сплетены из взаимного интеллектуального влечения. Зеркало отразило бледное лицо с чёткими линиями скул. Глаза цвета холодного озера, в которых редко теплился огонь. Сейчас он горел. Огонь охотника, нашедшего след. Огонь исследователя, открывшего неизведанный континент. Я поправил воротник, взял планшет с последними данными и вышел. Пневматический замок щёлкнул за спиной, отрезая мир абсолютного

контроля.

Служебный лифт Совета Директоров пронзил Аркологию, как игла ткань, минуя остановки. За прозрачной стеной пейзаж менялся: стерильный белый свет Зенита сменился жёлтым неоновым гудением Сетки. Вертикальное путешествие стало метафорой моего спуска с олимпа в реальный мир, где код встречается с плотью.

Уровень сорок два встретил запахом жареной еды, парфюма среднего сегмента и статического электричества. Фильтры в импланте мягко очистили воздух, но оставили суть, чтобы я мог ориентироваться. Узкий коридор, мерцающие лампы, граффити и объявления о подержанных имплантах. Взгляды прохожих скользили по мне с подозрением: костюм, осанка, аура выделяли меня как чужого. Как хищника.

Я сверялся с картой, видящей к квартире 42-Б. С каждым шагом сигнал от устройства нарастал, становясь плотнее, как приближение к источнику тепла в морозную ночь. Перед дверью я остановился. Сигнал был стабильным. Она внутри. Не спит. Ритм сердца учащён. Я поднял руку для звонка, замер на секунду, настраиваясь. Маска должна была остаться на месте.

Звонок прозвучал резко, нарушив покой сектора. Внутри зашуршали шаги — быстрые, лёгкие, как у кошки. Дыхание за дверью изменилось, пульс замедлился, когда она прильнула к глазку. Я представлял, как её мозг лихорадочно ищет выход, план, оружие. Но бежать было некуда. Я был в стенах.

Я был в воздухе. Я был в устройстве за её ухом.

Дверь открылась не сразу. Секунда колебания: снять цепочку или впустить сразу. В этой паузе было больше информации, чем в часах разговоров. Страх. Любопытство. Желание понять. Когда дверь наконец отворилась, я увидел её не такой, как в досье или в сети. Реальной. Лёгкая бледность, тёмные круги под глазами, волосы в небрежном пучке. В зелёно-голубых глазах читалась смесь вызова и усталости. Она стояла в проёме, не приглашая, но и не закрывая проход, создавая барьер из собственного тела. Я улыбнулся одними уголками губ. Не угроза. По крайней мере, не физическая.

Я стоял у двери квартиры. За тонким металлическим полотном, отделявшим безликий коридор Сети от её личного пространства, была она. Я знал это не благодаря камерам или взломанному домофону, а благодаря физике. Технология, скрытая в корпусе нейроинтерфейса, который я ей отправил, работала за пределами любых сканеров: она меняла локальное электромагнитное поле вокруг её тела. Мои сенсоры, встроенные в стены здания, считывали эти колебания. Нельзя поставить фаервол на магнитное поле, нельзя заблокировать тепло или дыхание. Пока она проверяла устройство на трояны, сама того не подозревая, она стала живым узлом моей сети. Каждый её вдох, каждый удар сердца отражались в моих данных как ритмичное напряжение, которое я читал с точностью до миллисекунды.

Я чувствовал её страх: пульс участился, когда раздался

звонок, уровень кортизола подскочил. Она замерла, оценивая угрозу, глядела в глазок, проверяла замки. Но сквозь адриналин пробивалось иное — тёплое, тягучее чувство, которое не измерить приборами. Я узнал его мгновенно, потому что внутри себя ощущал то же зеркальное отражение. Влечение. Опасное, иррациональное желание увидеть не аватар и не набор биометрии, а живого человека, осмелившегося бросить мне вызов. Я стоял неподвижно, позволяя тишине коридора давить на неё. Мне не нужно было, чтобы она открыла из страха. Мне нужно было любопытство. Тот самый азарт, что привёл её к взлому Sterling BioTech.

Минута растянулась в вечность. На внутреннем дисплее пульс выровнялся, страх уступил место любопытству. Она сделала шаг. В этот миг я понял: мы действительно равны. Только равный способен подавить инстинкт самосохранения ради познания. Дверь отворилась не сразу — секунда колебания, выбор между цепочкой и полной сдачей. В этой паузе было больше информации, чем в часах переговоров. Когда плотно наконец подалось, я увидел её не из досье и не из сети. Реальную. С лёгкой бледностью, тёмными кругами под глазами, небрежным пучком волос и зелёно-голубыми глазами, в которых смешались вызов и усталость. Она стояла в проёме, не приглашая, но и не закрывая дверь, выстраивая барьер из собственного тела. Я улыбнулся лишь уголками губ — жест, означающий: я не угроза. По крайней мере, не физическая.

— Том, — её голос прозвучал тихо, с хрипотцой. Он резонировал во мне сильнее любых данных интерфейса. Она не сказала «мистер Стерлинг», не использовала титулов. Сразу ясно: она не считает себя ниже. Мы игроки за одной доской. И я уважал это.

— Я предупреждал, что инвестирую в потенциал, Эш, — ответил я спокойно, глядя ей прямо в глаза. — Инвестиции требуют контроля. Личного.

Она закрыла дверь. Щёлкнули замки — механические, электронные. Попытка восстановить границы, которые я уже переступил. Я прошёл в комнату. Три монитора, клавиатура, чашка остывшего кофе. Уютный, выверенный порядок — её способ удержать хаос второй жизни под контролем. Воздух пах озоном, кофе и чем-то неуловимым, личным. Тем, что не синтезировать алгоритмами.

— Это незаконно, — бросила она, проходя к столу и прикрывая бумаги. Тепловые следы её пальцев на листах я уже видел через сенсоры. — Вторжение в частную жизнь. Корпоративный шпионаж.

— Закон зависит от того, кто его пишет, — я повернулся к ней. Расстояние сократилось до двух метров. — В Зените законы создают владельцы технологий. А ты пытаешься взломать систему, которая владеет городом. Ты не нарушаешь закон, Эш. Ты находишься вне его. Как и я.

Я позволил её словам повиснуть в воздухе. Обвинения в незаконности были защитной реакцией, попыткой вернуть

себе почву под ногами. Но я пришёл сюда не для юридических дискуссий. Я пришёл показать ей реальную карту поля боя.

— Шпионаж? — я повторил её слово, словно пробуя на вкус. Сделал шаг вглубь комнаты, не дожидаясь приглашения. Мои ботинки не издали звука на потертом паркете. — Если бы я хотел шпионить, Эш, ты бы этого не заметила. Я не интересуюсь твоей перепиской с издательством или тем, какой кофе ты покупаешь по утрам.

Я остановился у края стола, где лежали её заметки. Не касаясь их, просто скользнул взглядом по бумагам.

— Меня интересует то, что ты скрываешь за этими заметками.

Я поднял глаза и встретился с ней взглядом. Пришло время снять ещё один слой защиты. Не физический, а информационный.

— Obsidian, — произнёс я это название спокойно, без нажима, наблюдая за реакцией.

Эффект был мгновенным. Её зрачки расширились — произвольная физиологическая реакция на угрозу. Пульс, который я отслеживал через сенсоры, подскочил с семидесяти до ста десяти за долю секунды. Дыхание прервалось. Она не ожидала этого. Не ожидала, что связь, которую она хранила в тайне, не произносила вслух даже в своей квартире, прозвучит из моих уст так буднично.

— Я не знаю, о чём ты, — её голос стал тише, но в нём

появилась сталь. Отрицание. Последняя линия обороны.

— Не лги мне, — я сказал это без злости. Как констатацию факта. Как строку кода, которая вернула ошибку. — Я знаю их структуру. Три ячейки в Глубине. Одна в Сетке, замаскированная под ремонтную мастерскую. Я знаю, что они вербуют хакеров через зашифрованные каналы в старых игровых серверах. И я знаю, что ты получила от них контракт три дня назад. Взлом Sterling BioTech. Кража данных медицинского ИИ.

Я обошёл стол, сокращая дистанцию. Она не отступила, но я видел, как напряглись мышцы её шеи, как пальцы правой руки дрогнули, инстинктивно ища клавиатуру — оружие, к которому она привыкла.

— Ты думаешь, ты анонимна для них? — я продолжил, понизив голос. — Они не знают твоего имени. Для них ты — позывной. Тень. Но они знают, где ты живёшь. Они знают твои привычки. И когда ты провалишь контракт... или когда поймёшь, что они планируют не кражу, а диверсию... они не станут вести переговоры.

Я остановился в метре от неё. Достаточно близко, чтобы она чувствовала моё присутствие, но недостаточно, чтобы это было вторжением.

— Я знаю о них не потому, что слежу за тобой, Эш. Я знаю о них, потому что они уже пытались взломать меня полгода назад. Потеряли трёх агентов. С тех пор я изучаю каждую их тень. И ты... — я сделал паузу, давая словам вес, — ты

случайно встала на их пути. Или они нашли тебя. В любом случае, ты уже в игре. Вопрос лишь в том, на чьей стороне ты будешь, когда начнётся настоящая война.

Она молчала. В её глазах я видел, как рушатся стены. Осознание того, что она не контролирует ситуацию. Что есть кто-то, кто видит больше. Страх смешивался с чем-то другим — с облегчением? С надеждой? Она больше не одна против организации, которая может стереть её в любой момент.

— Откуда... — она начала, но не закончила. Не хватило воздуха.

— У меня есть ресурсы, — я ответил на невысказанный вопрос. — И у меня есть мотивация. Они угрожают системе, которую я строил десять лет. Но ты... — я позволил уголкам губ дрогнуть в подобии улыбки, — ты интереснее.

Я вернулся к окну, давая ей время переварить информацию. За стеклом дождь усиливался, размывая огни Сетки.

— Теперь ты понимаешь, почему я здесь? Это не о законе. Это о выживании. Твоём. И, возможно, моём тоже.

Она усмехнулась — горько, красиво. — Мы не равны, Том. У тебя армия юристов, дронов и кредитов. У меня — только код и эти четыре стены.

— Код — самая мощная армия в мире, — возразил я, подходя ближе. Её зрачки расширились, дыхание изменилось. Мои датчики фиксировали каждый миллиметр, но я смотрел на неё глазами. — И у тебя есть то, чего нет у моей армии. Талант. Интуиция. Умение видеть систему не как схему, а

как живой организм. Я видел, как ты работала с Nova Corp. Ты не ломала дверь. Ты нашла замочную скважину, которую другие даже не замечали. Это редкость.

— И поэтому ты решил сделать меня своей игрушкой? — Голос дрогнул. В дрожи звучала не только злость, но и вопрос, который она боялась озвучить.

— Я решил сделать тебя партнёром, — поправил я. Слово повисло в воздухе, тяжёлое и однозначное. — Obsidian не оставит тебя в покое. Провалишь контракт — уничтожат. Попытаешься сыграть против меня — остановлю. У тебя нет выхода. Кроме как работать со мной.

Она отвернулась к окну. За стеклом снова забарабанил дождь. Я видел линию её шеи, напряжение в плечах. Рука сама потянулась снять это напряжение, но я сдержался. Сейчас было время для иерархии, не для прикосновений.

— Что ты хочешь? — спросила она, не оборачиваясь. — Доступ к Obsidian?

— Нет. Я хочу защитить свою систему. И защитить тебя от них. Они используют медицинский ИИ для шантажа. Это недопустимо. Под угрозой тысячи жизней. Ты можешь найти их сервера, потому что думаешь, как они.

Она обернулась. В глазах читался главный вопрос. — Почему я? Почему не белые хакеры?

— Потому что они скучные, — я улыбнулся по-настоящему, и напряжение в комнате дрогнуло. — Они ищут уязвимости, чтобы закрыть их. Ты ищешь, чтобы понять. Тебе

нужна суть. Мне тоже.

Она подошла ближе. Меньше метра. Я чувствовал тепло её кожи, контрастирующее с холодом кондиционера, и вдруг воздух между нами изменился. Сквозь стерильный озон и остывший кофе прорезался её запах — терпкая вишня, растворённая в горьком шоколаде. Мой пульс, обычно выверенный как алгоритм, сделал произвольный сбой. Я невольно задержал дыхание, улавливая аромат глубже, и на мгновение в сознании всплыла чёткая, почти осязаемая мысль: сократить эти сантиметры до нуля, коснуться не только её данных, но и живой кожи, почувствовать этот вкус на её губах. Я заставил себя выдохнуть, сохранив дистанцию и взгляд. Она взвешивала риски, понимала отсутствие выбора, но и хотела его. Хотела этой игры. Мы оба были одиноки в своём таланте.

— У меня есть условия, — она подняла подбородок.

— Слушаю.

— Никакой слежки через устройство в нерабочее время. Доступ к данным только по согласованию. И полная амнистия за прошлые взломы. Если поймает Obsidian — чистая история. Новая, но легальная идентичность.

— Согласен, — ответил я сразу. Главная цель — не контроль над ней, а контроль над ситуацией.

— Но есть одно условие и с моей стороны.

— Какое?

— Ты работаешь в моей лаборатории. Лично. Не удалён-

но. Я хочу видеть, как ты работаешь. Хочу учиться у тебя так же, как ты у меня.

Она замерла. Оценивала риск оказаться в моём пространстве, под моим взглядом, но и возможность доступа к ресурсам, о которых могла лишь мечтать.

— Это опасно, — прошептала она.

— Всё опасно, Эш, — я сделал полшага. Теперь я видел ресницы, трещину в её защите. — Но быть одной — ещё опаснее.

Она не отступила. В глазах вспыхнул тот самый огонь, что я видел в логах её взломов. Медленный кивок. Невидимая связь установилась. Контракт подписан не на бумаге, а на уровне доверия, которое ещё предстоит заработать. Начало было положено.

— Когда начинать?

— Сейчас, — я протянул руку. Не для рукопожатия. Как приглашение. — У меня есть трафик Obsidian, который я не могу расшифровать. Мне нужен твой взгляд.

Она посмотрела на мою ладонь, затем на моё лицо. Медленно, почти неуверенно, вложила свою в мою. Кожа была тёплой, мягкой. Импульс прошёл по нервной системе сильнее любого разряда. Я сжал её пальцы, чувствуя пульс, жизнь. В этот миг я понял: эта игра изменит нас обоих. Мы не просто поймаем преступников. Мы перепишем правила. И эта женщина станет частью моего кода, частью системы, без которой я больше не смогу функционировать.

— Поехали, — отпустил я руку, но не разорвал взгляд. Она кивнула, начала собираться. Я запоминал каждое движение. Эти воспоминания были важнее любых данных. Файлы можно удалить. Образ её глаз в полумраке — останется навсегда.

Мы вышли. Дверь закрылась, сигнал устройства снова стал чётким. Но теперь это было не наблюдение за объектом, а сопровождение партнёра. В лифте, когда створки отсекли коридор, я повернулся к ней.

— Добро пожаловать в Sterling BioTech, Эш. Надеюсь, ты готова увидеть, как выглядит будущее изнутри.

— Я готова увидеть, как выглядит твоя тюрьма, Том, — ответила она, и в голосе прозвучала улыбка. Обещание, что борьба продолжится, но теперь — плечом к плечу. Против внешнего мира. Против теней, пытавшихся управлять нами. Я знал: это начало чего-то большего. Синхронизация двух систем, работавших в изоляции. Теперь, соединённые, мы росли экспоненциально. Ни одна защита не устоит. Мы знаем слабости друг друга. И знаем, как их защитить.

Лифт пошёл вверх, унося из серой Сети в сияющий Zenit. В отражении стёкол наши силуэты сливались. Я думал о том, что контроль — это не удержание, а направление. Я больше не хочу контролировать её. Я хочу направлять её энергию, талант, страсть. И позволять ей направлять мою. В одиночестве я был просто директором корпорации. С ней я мог стать архитектором нового мира. Где технологии служат людям,

а не поработают. Где любовь, как и код, можно переписать без ошибок. Идеально.

Этаж восемьдесят пять. Воздух здесь был другим — чистым, прохладным. Охрана кивнула, пропуская нас без вопросов. Мой пропуск открывал любые двери. Я вёл её по коридорам, показывая серверные, лаборатории, открытые пространства. Она смотрела не со страхом, а с интересом. Это было важно. Страх блокирует креативность. Мне нужна была её креативность.

В личной лаборатории гудели стойки, светился главный терминал. Я предложил ей сесть. Она заняла кресло напротив. Стол между нами больше не был барьером — он стал мостом. Я запустил систему, вывел данные на экран.

— Вот они. Тени. Покажи мне, где они прячутся.

Она наклонилась к клавиатуре. Пальцы коснулись клавиш. Я наблюдал, как её сознание погружается в поток данных, и понял: я влюбляюсь не в женщину, а в её ум. В её способ видеть мир. Это было опаснее любого взлома. Вторжение в мою собственную систему ценностей. Переписывание кода. И я не хотел защищаться. Я хотел открыться. Впустить её. Впервые в жизни я не хотел быть единственным администратором своей реальности.

Время остановилось. Остались только мы, свет мониторов и стук клавиш. Я знал: эта ночь станет легендой. Точкой отсчёта. Моментом, когда два одиноких алгоритма нашли общий язык. Когда она подняла глаза, в них не было страха.

Только вызов и понимание. Я кивнул. Я видел её. Я понимал. Я остаюсь. Никакая система, никакая корпорация, никакой Obsidian не разорвёт эту связь. Она зашифрована ключом, который есть только у нас. Ключом из доверия и страсти. Его нельзя взломать, потому что он не цифровой. Он человеческий. В этом — наша сила, наша уязвимость и наша надежда.

Я откинулся в кресле, наблюдая за её работой. Я построил много систем, алгоритмов, империй. Но ничто не значило так много, как этот миг. Как она, сидящая напротив. Я буду защищать её. Даже если придётся разрушить собственную компанию. Даже если сжечь город. Она стала частью меня. Удалить её — значит удалить себя. А я не собираюсь стирать себя. Я собираюсь жить. Полноценно. С ней. В этом сложном, опасном, прекрасном мире, где мы единственные понимаем правила игры. И единственные, кто может их изменить.

За окном усилился дождь. В лаборатории было тихо. Лишь гудение кулеров сопровождало нашу работу. Между нами росло напряжение — не опасное, а электрическое. Я знал: скоро оно разрядится. Скоро расстояние сократится до нуля. Но сейчас — время для работы. Время закладывать фундамент. Я умел ждать. Умел планировать. Лучший код пишется не в спешке, а в тишине. В концентрации. В полном слиянии с задачей. Она была моей задачей. Моим проектом. Моей целью. И я не собирался проигрывать. Проигрыш невозможен, когда умы синхронизированы. Когда ты — две части одного целого. Код, который мы писали сейчас,

был кодом нашей жизни. И он был идеальным.

Глава 5. Синхронизация

Эш Гарднер

Это была физическая величина, обладающая собственным весом, плотностью и температурой, которую можно было ощутить кожей. Она заполняла пространство между серверными стойками и панорамными окнами, словно невидимая жидкость, давя на барабанные перепонки с силой глубоководного погружения. Воздух здесь был очищен до молекулярной чистоты, лишен пыли, запахов и случайных колебаний, и именно эта стерильная неподвижность делала тишину осязаемой. Она не давила, а обволакивала, создавая ощущение вакуума, в котором каждое движение, каждый вздох, каждый щелчок клавиши звучали как выстрел в пустоте.

Я сидела в эргономичном кресле, которое казалось продолжением моего позвоночника. Оно повторяло каждый изгиб тела с хирургической точностью, поддерживая там, где требовалась фиксация, и освобождая там, где нужна была свобода. Мои пальцы покоились на клавиатуре, совершеннее которой я не касалась за всю жизнь. Даже те кастомные механические сборки, которые я собирала ночами в своей квартире, где каждый переключатель был смазан вручную, а каждая клавиша откалибрована под силу моего нажатия,

бледнели перед этим устройством.

Здесь в самом сердце империи Sterling BioTech, клавиатура была создана из материала, который я не могла идентифицировать сразу. Холодный на ощупь, но мгновенно принимающий температуру кожи. Бесшумный, но дающий тактильную отдачу, которая передавалась не через звук, а через микровибрацию, бегущую вверх по фалангам, к запястьям, к локтям, к самому мозгу. Она создавала иллюзию прямого физического контакта с цифровым потоком, и это ощущение было одновременно восхитительным и пугающим. Оно стирало границу между мной и машиной, превращая меня из оператора в компонент системы, из наблюдателя в живой процессор, заключенный в оболочку из плоти, крови и нейронных связей.

За окном шел дождь, стекающий по внешнему куполу здания бесконечными серыми ручьями. С этой высоты, с вершины шпиля Стерлинга, город выглядел не как муравейник, полный жизни и хаоса, а как сложная электронная схема. Огни окон были светодиодами, транспортные потоки — шинами данных, а люди — электронами, бегущими по назначенным маршрутам, подчиняясь невидимым протоколам. Это зрелище вызывало во мне странное чувство отчуждения, словно я смотрела на мир через слой защитного стекла, понимая его структуру, но не чувствуя его тепла.

Я поймала себя на мысли, что Том видит этот город именно так каждый день. Что для него люди — это переменные

в уравнении, ресурсы в базе данных, узлы в сети. Эта мысль должна была оттолкнуть меня, вызвать холодное презрение к человеку, который сидел напротив, откинувшись в своем кресле и наблюдая за моими руками. Но вместо этого она вызвала любопытство. Желание заглянуть за маску холодного архитектора и увидеть, есть ли там кто-то живой. Кто-то, кто способен чувствовать тепло не только через сенсоры интерфейса.

Мой новый нейроинтерфейс теперь был закреплен за ухом. Его присутствие ощущалось иначе, чем мой старый модуль, который я выбросила в мусоропровод с чувством облегчения, смешанного с тихой ностальгией по вещам, служившим мне верой и правдой годы. Этот новый девайс был легче, почти невесомым. Его синхронизация с моей нервной системой происходила не через стандартный протокол рукопожатия, а через какой-то более глубокий, интимный канал. Словно устройство не подключалось ко мне, а вращало, становясь частью биологии.

Я чувствовала поток данных не как информацию, поступающую на экран, а как ощущение, бегущее по коже. Как мурашки. Как изменение температуры. Как вкус металла на языке. Это было нарушением всех правил безопасности, которым меня учили в подпольных сообществах хакеров Среднего сектора, где любое устройство от неизвестного источника считалось трояном, замаскированной угрозой, ожиданием смерти. Но я надела его. Я доверилась ему. И теперь, ко-

гда я смотрела на код, проецируемый прямо на сетчатку поверх реальности, я понимала, что Том не солгал, когда сказал, что инвестирует в потенциал. Потому что это устройство давало мне возможности, о которых я могла только мечтать. Доступ к вычислительной мощности, которая превышала все, что было доступно даже элите Зенита. И это было одновременно подарком и оковами. Каждый бит информации, который я обрабатывала через этот интерфейс, проходил через его сервера, оставляя след, который он мог прочитать в любой момент.

Он делал меня прозрачной для него, как стекло. Эта мысль вызывала приступ паранойи, который я привыкла глушить работой. Погружением в код. В логику, где все было четко, предсказуемо и контролируемо. В отличие от человеческих отношений, где переменных слишком много, а уравнение никогда не сходится.

Передо мной в пространстве висел трафик Obsidian. Зашифрованный поток данных, который Том не мог расшифровать полгода. Это был вызов, заставивший мое сердце забиться чаще. Я видела структуру шифрования, и она была красивой. Пугающе красивой, как яд, упакованный в хрустальный флакон. Полиморфный алгоритм, который менял свою сигнатуру каждые несколько миллисекунд, используя квантовую энтропию для генерации ключей. Это было уровнем выше того, с чем я сталкивалась в корпоративных сетях Nova Corp. Это было оружием, созданным не для кражи кре-

дитов, а для чего-то большего. Для манипуляции реальностью. Мои пальцы начали двигаться не потому, что я отдала им приказ, а потому что они знали, что делать. Потому что танец взлома был для меня естественнее дыхания.

Я начала разматывать клубок, находя концы, за которые можно было потянуть, чтобы вся конструкция начала распускаться. Я чувствовала сопротивление кода, словно он был живым существом, которое не хотело быть вскрытым, которое защищало свою тайну. И это сопротивление только подстегивало меня. Заставляло глубже погружаться в поток, игнорируя усталость, игнорируя присутствие Тома, игнорируя все, кроме этой цифровой вселенной, которая сейчас была для меня единственной реальностью.

Я слышала его дыхание за спиной. Ровное, спокойное, контролируемое. Это раздражало меня, потому что мое дыхание сбивалось, становилось чаще, когда я находила уязвимость, когда чувствовала, что близка к прорыву. Это различие в наших ритмах создавало странное напряжение в комнате, словно мы были двумя инструментами в оркестре, которые играли в разных тональностях, но пытались найти гармонию.

Я знала, что он смотрит на меня. Не на экран, а именно на меня. На мои руки. На профиль. На то, как волосы падают на лицо, когда я наклоняюсь ближе к свету голограммы. Это ощущение взгляда было почти физическим прикосновением, горячим пятном на коже шеи, заставляющим меня

выпрямить спину, собраться, показать себя лучшей версией. И это было глупо, потому что он уже видел мой код. Он уже знал, на что я способна. Ему не нужно было доказывать ничего. Но человеческая природа, даже природа хакера, живущего в тени, требовала признания. Требовала, чтобы ее увидели. Оценили. И Том видел. Я чувствовала это в каждом его молчаливом комментарии, в каждом движении, когда он придвигался ближе, чтобы лучше рассмотреть фрагмент кода, который я выделила. Его плечо почти касалось моего, и тепло его тела смешивалось с холодом кондиционера, создавая турбулентность воздуха, которую я ощущала кожей.

— Здесь, — сказала я. Мой голос прозвучал хрипло в тишине лаборатории, словно я не пользовалась им несколько дней, хотя прошло всего несколько часов с тех пор, как мы вошли сюда. — Они используют стеганографию не в данных, а во времени доставки пакетов. Интервалы между запросами — это ключ.

Том наклонился ближе. Я почувствовала запах его одеколona — сдержанного, дорогого, где терпкая глубина табачного листа смягчалась обволакивающей сладостью ванили. Это пахло теплом в мире холодных схем, чем-то запретным и уютным одновременно, словно скрытый огонь в стерильности лаборатории. Этот запах заполнил мое личное пространство, вытесняя запах озона и пластика, и это было вторжением, которое я не хотела останавливать.

— Временные метки, — произнес он. Его голос был низ-

ким, вибрирующим, резонирующим в грудной клетке. — Я проверял корреляцию времени, но не нашел паттерна.

— Потому что ты искал линейную зависимость, — ответила я, не оборачиваясь, продолжая вводить команды. Мои пальцы летали над клавиатурой. — А они используют хаос. Энтропию окружающего шума города. Они привязывают ключи к колебаниям энергосети в Среднем секторе. Там, где нагрузка скачет из-за устаревших подстанций и пикового потребления жилых блоков, там рождается ключ.

Я выделила фрагмент кода, и он вспыхнул красным, словно кровь на снегу.

— Вот. Сектор 47-Г. Подстанция, которая питает старые жилые комплексы и промышленные артели. Они маскируют трафик под сбои в энергоснабжении. Кто будет смотреть на сбои в Среднем секторе? Там все привыкли к перебоям, к мерцающим фонарям, к тому, что лифты останавливаются между этажами. Никто не ждет ничего, кроме поломок.

Том молчал несколько секунд. Я могла представить, как его мозг обрабатывает эту информацию, как он перестраивает свои модели, признавая мою правоту. Это молчание было для меня важнее любых похвал, потому что оно означало уважение. Признание равенства. И когда он наконец заговорил, в его голосе звучало нечто новое. Оттенок восхищения, который он не пытался скрыть.

— Гениально, — сказал он просто. — Использовать инфраструктурную слабость как криптографический ключ.

Это требует доступа к диспетчерской энергосети.

— Или взлома ее, — уточнила я, наконец повернувшись к нему. Наши лица оказались на расстоянии вытянутой руки, и я увидела в его глазах отражение голографических символов. Зеленые и синие огни, пляшущие в глубине его зрачков, делали его взгляд ещё более завораживающим. — Они не просто хакеры, Том. Они инженеры. Они знают систему лучше, чем те, кто ее построил.

— Или они те, кто ее строил, — ответил он тихо. В этой фразе было столько смысла, столько скрытых слоев, что я почувствовала холодок, пробежавший вдоль позвоночника. — Кто-то из моих бывших партнеров? Из совета директоров?

— Возможно, — я пожалала плечами, стараясь выглядеть беспечной, хотя внутри все сжалось. — Но сейчас это не важно. Важно то, что я могу пройти дальше. Дай мне доступ к узлу коммутации в этом секторе. Мне нужно отправить зонд.

Том кивнул. Его движение было плавным, экономным, как у человека, который не тратит энергию на лишние жесты. Он поднял руку, и в воздухе развернулась панель авторизации.

— Доступ предоставлен. Уровень допуска: временный администратор. Но помни, Эш, — он посмотрел мне прямо в глаза, и его взгляд стал тяжелым, давящим. — Любой твой шаг здесь записывается. Не для того, чтобы поймать тебя. Чтобы защитить тебя. Если ты совершишь ошибку, если ты заденешь что-то лишнее, система защиты отреагирует авто-

матически. Я не смогу вмешаться быстрее, чем алгоритм.

— Я не совершаю ошибок, — ответила я. Это прозвучало как клятва, как обещание, которое я дала самой себе много лет назад, когда поняла, что одна ошибка может стоить мне свободы, или жизни. — Ты же знаешь.

— Знаю, — он улыбнулся. Эта улыбка была редкой, почти незаметной, но она изменила его лицо, сделав его моложе, человечнее, убрав маску ледяного директора. — Поэтому ты здесь.

Я отвернулась к экрану, чтобы скрыть реакцию своего тела на эту улыбку. Потому что внутри что-то екнуло, странно и тепло, словно я сделала глоток горячего кофе после долгой ночи на холоде. Это чувство было опаснее любого вируса, потому что оно не лечилось антивирусом, не удалялось форматированием, оно вращало в меня, меняя мою структуру. Я понимала, что нахожусь на скользкой дороге. Что грань между партнерством и чем-то большим становится все тоньше, прозрачнее. И я не знала, хочу ли я ее переходить, потому что за ней не было карты, не было алгоритма, который мог бы подсказать, что делать дальше.

Я снова погрузилась в код, отправляя зонд в энергосеть Среднего сектора. Это было как ходьба по минному полю с завязанными глазами, потому что я не видела физическую инфраструктуру, я видела только цифры, только логи. Но я знала, что там, внизу, в жилых массивах, есть трансформаторы, гудящие от перегрузки, есть люди, которые экономят

на свете, чтобы оплатить базовый кислородный налог, и мой цифровой зонд был для них невидимым призраком, который мог вызвать сбой, если я нажму не ту клавишу. Эта ответственность давила на меня, заставляя быть еще осторожнее, еще точнее. Я чувствовала, как Том стоит рядом, не вмешиваясь, но присутствуя, как якорь, как точка опоры. И это присутствие успокаивало, парадоксальным образом, потому что раньше его присутствие означало угрозу, а теперь оно означало безопасность. Это изменение логики моего восприятия пугало меня больше, чем риск быть пойманной Корп-Стражем.

Зонд прошел через первый файрвол, потом через второй, и я увидела структуру трафика Obsidian, скрытую в шумах энергосети. Это было похоже на обнаружение скрытой комнаты в доме, в котором ты живешь годами. Я почувствовала азарт, чистый, дистиллированный азарт охотника, который видит след добычи. Мои пальцы ускорились, я начала вытаскивать данные, распаковывать пакеты, и передо мной начали проявляться фрагменты информации: схемы, чертежи, списки компонентов. И когда я увидела, что это за компоненты, у меня перехватило дыхание.

— Том, — позвала я. Мой голос дрогнул. — Посмотри на это.

Он подошел ближе, почти касаясь моего плеча, и я почувствовала тепло его тела, исходящее сквозь ткань его рубашки. Это тепло казалось живым, пульсирующим, контрасти-

рующим с холодом данных.

— Нейроинтерфейсы военного образца, — прочитал он вслух. Его голос стал жестким, металлическим. — Модифицированные. С функцией прямого управления моторикой.

— Они не просто хотят украсть данные, — прошептала я, чувствуя, как холодный ужас начинает заползать в желудок. — Они хотят управлять людьми. Через импланты. Если они получат доступ к ядру Aescular, они смогут переписать прошивку тысячам людей. Превратить их в...

— В оружие, — закончил он за меня. Его рука легла на спинку моего кресла, пальцы почти коснулись моего плеча, но не коснулись, остановившись в миллиметре. Это невыполненное прикосновение было напряженнее любого объятия. — Или в марионеток.

— Obsidian не просто террористы, — сказала я, поднимая на него взгляд. — Они революционеры. Они хотят показать, что система уязвима. Что мы все зависим от кода. И они готовы пожертвовать жизнями, чтобы доказать это.

— Тогда мы должны остановить их, — сказал он. В его словах не было сомнения, только решимость, холодная и абсолютная, как сталь. — Но нам нужно больше данных. Нам нужно знать, где их сервер. Где физический центр управления.

— Я могу отследить обратный сигнал, — предложила я, чувствуя, как адреналин снова начинает бурлить в крови, вытесняя страх. — Но это займет время. И мне нужно будет

выйти в открытую сеть. Они заметят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.